Листопадъ

22.3.1/82 V

Иванъ Бунинъ.
Листопадъ.
Стихотворенія.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 29376 г.

Р. С. Ф. С. Р.
БИБЛИОТЕКА
Народнаго Комиссариата
по просвѣщенію.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 22976/80

Москва.
Книгоиздательство
"Скорпіонъ"
1901

Дозволено цензурою. Москва, 2 декабря 1900 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5.

ЛИСТОПАДЪ.

ОСЕННЯЯ ПОЭМА.

М. ГОРЬКОМУ.

Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой, пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.
Березы желтою рѣзьбой
Блестятъ въ лазури голубой;
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ, то здѣсь въ листвѣ сквозной
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—

За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступила нынче въ теремъ свой...

Какъ хорошо ей! На полянѣ,
Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ сѣть изъ серебра.
Просѣка узкая, какъ сѣни,
Уходитъ въ теремъ, а по ней
Лежитъ коверъ листвы осенней
Среди кустарниковъ и пней.
Тамъ, въ потаенномъ чернолѣсьи,
Всегда затишье: частый боръ
Надъ нимъ темнѣетъ въ поднебесьи
И окружаетъ свѣтлый дворъ.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ теплomъ...
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ

Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Стоитъ надъ солнечной поляной,
Завороженный тишиной.
Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подсѣда, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя въ небѣ промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая —
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ точно дремлетъ. А въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Глядятъ и синева долинъ,
И мелколѣсье, и болота,
И даль лиловыхъ деревень...
Какъ хорошо! Но жаль кого-то,
И грустно Осени весь день...

Порой задумчиво выходитъ
Она на солнце изъ воротъ
И бродитъ въ полѣ и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ, по лощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарниковъ бугры

Раскинулись широкимъ станомъ,
Какъ темно-красные шатры.
Тамъ путь на югъ... Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
Онѣ зовутъ, но нѣтъ названья
Мечтамъ далекимъ. Въ нихъ — любовь
И красота Воспоминанья,
Которымъ не воскреснуть вновь...
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса безмолвны... И безгласно
Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.

Онъ умираетъ, точно счастье...
Ужъ знаетъ Осень, что такой
Глубокій и нѣмой покой—
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Все строже въ даль она глядитъ,
Все рѣзче тайное страданье
Въ ея нѣмыхъ очахъ сквозитъ...
Какое вѣщее молчанье!
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката

Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщалъ.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходитъ, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу...
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной!

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся — она растетъ...
А съ нею, блѣдностью пугая,
И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ —
И вотъ ужъ смотритъ прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткій часъ ночныхъ чудесъ!
Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой

Какъ будто смерть себѣ пророчитъ.
Сова и та молчитъ: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ...
Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотритъ круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумленьи...
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣньи,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой;
Луна съ небесъ, какъ привидѣнье,
Глядитъ, застывши безъ движенья,
И жутко Осени одной
Въ полночной тишинѣ лѣсной!

На утро блѣдной и больною
Она проснется. На дворѣ
Темно и хмуро. За стѣною
Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ...
Теперь ужъ долго не проглянетъ
На небѣ солнце. Дождь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманятъ..

Недаромъ эта ночь прошла!
Но Осень затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко
Запрется въ теремѣ своемъ:
Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ!
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чащамъ бора,
Съ него мѣстами крышу снялъ,
А входъ сырой листвой усыпалъ;
Потомъ зазимокъ ночью выпалъ
И хоть растаялъ, но кругомъ
Уже повѣяло морозомъ...
Зачѣмъ же предаваться грезамъ,
Зачѣмъ и думать о быломъ?

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ;
Звенитъ ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,

Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туриный,
Скликая на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный...
Льетъ дождь, холодный, точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ,
А ночью гуси караваномъ
Надъ лѣсомъ держатъ перелетъ...
Но дни идутъ. Свѣжѣетъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Живитъ и ободряетъ Осень...
Близка зима, стихаетъ боръ...

И вотъ ужъ сизые туманы
Встаютъ на утренней зарѣ;
Сквозитъ въ туманѣ лѣсъ багряный,
Земля въ морозномъ серебрѣ.
И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходитъ Осень на крыльцо.
Дворъ пустъ и холоденъ. Въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Видна ей синева долинъ

И ширь пустыннаго болота,—
Дорога на далекій югъ...
Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ,
Отъ бурной ледяной метели
Давно ужъ птицы улетѣли;
Туда и Осень по утру
Свой одинокій путь направитъ
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставитъ...

Прости же, лѣсъ! Прости, печаль!
День будетъ теплый и хорошій,
А за ночь мягкою порошей,
Одѣнется и близь, и даль.
Какъ будутъ странны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый,
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Рѣзвясь и грѣясь на бѣгу
Въ сугробахъ мягкихъ на лугу!
А тамъ поднимутся метели,—

Ворвутся въ голую тайгу
Вѣтры изъ тундръ, ломая ели,
Гудя въ крутящемся снѣгу
И завывая въ полѣ звѣремъ...
Они разрушатъ старый теремъ,
Оставятъ колья и потомъ
На этомъ остовѣ пустомъ
Повѣсятъ инеи сквозные,
Воздвигнутъ арки кружевныя —
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяные
И хрусталемъ, и серебромъ.
А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожаръ —
Въ тотъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтится пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіянья!

НА РАСПУТЬИ.

В. М. ВАСНЕЦОВУ.

На распутьи въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.

На распутьи люди начертали
Роковую надпись: „Путь прямой
Много бѣдъ готовитъ, и едва ли
Ты по немъ воротишься домой.

„Путь направо безъ коня оставитъ,—
Побредешь одинъ и сиръ, и нагъ,—
А того, кто влѣво путь направитъ,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ...

Жутко мнѣ! Вдали стоятъ могилы...
Въ нихъ былое дремлетъ вѣчнымъ сномъ...
„Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.

„Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жаръ-Птицы,—
Укажи мнѣ ключъ живой воды,

„Свѣтлый ключъ, который воскрешаетъ
Усыпленныхъ мертвою водой
И цвѣтами степи украшаетъ,
Призывая къ жизни молодой!“

Но молчитъ угрюмо воронъ вѣщій,
Неподвижно на крестѣ сидитъ
И угрюмо, зоркій и зловѣщій,
На меня и на коня глядитъ.

Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ итти?

Гдѣ равнина дикая граничитъ?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

И ужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣетъ поле тишиной великой!
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спятъ.
Очарованъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

Вижу я курганы въ тихомъ полѣ...
Много лѣтъ стоятъ они, и нѣтъ
Дѣла имъ до нашей бѣдной доли,
До мгновенныхъ радостей и бѣдъ!

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветъ, а смерть въ глаза глядитъ...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидитъ.

ВИРЬ.

Гдѣ ельникъ сумрачный стоитъ
Въ лѣсу зубчатымъ темнымъ строемъ,
Гдѣ старый позабытый скитъ
Манитъ задумчивымъ покоемъ,

Есть птица Вирь. Ея уборъ
Весь сѣро-аспиднаго цвѣта,
Головка въ хохолкѣ, а взоръ
Исполненъ скорбнаго привѣта.

Она такъ жалостно поетъ,
Съ такою нѣжностью глубокой,
Что если къ скиту забредетъ
Случайно путникъ одинокій —

Онъ не покинетъ тѣ мѣста:
Лѣсъ молчаливый и унылый
И скорбной пѣсни красота
Полны таинственною силой!

Вирь тихо плачетъ межъ вѣтвей,
Вирь состраданія не знаетъ,
И человѣкъ идетъ за ней
И дней печальныхъ не считаетъ.

Безмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятый,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнитъ лишь одни закаты.

И вотъ, когда въ лѣсу пустомъ
Горитъ заря, а ельникъ черный
Стоитъ на фонѣ золотомъ
Стѣною траурно-узорной,

Съ какой отрадой ловитъ онъ
Все, что зарей еще печальнѣй:
Вечерній колокольный звонъ,
Напѣвы женщинъ въ рощѣ дальней,

И гулъ сосны, и вѣтерка
Однообразный шелестъ въ чащѣ...
Невыразима ихъ тоска,
И нѣтъ ея больнѣй и слаще!

Когда же лѣсъ, одѣтый тьмой,
Сгустится въ ней, и тьма сольется
Съ его могильной бахромой,—
Вирь въ темнотѣ тревожно вьется,

Въ испугѣ бьется средь вѣтвей,
Тоскливо стонетъ и рыдаетъ,
И тѣмъ тоскливѣй, тѣмъ грустнѣй,
Чѣмъ человѣкъ больнѣй страдаетъ...

Въ старинной книгѣ прочиталъ
Я эту повѣсть. Вирь до нынѣ
Живетъ въ лѣсу, гдѣ скитъ стоялъ,
Гдѣ лѣсъ безмолвенъ, какъ въ пустынѣ.

Я вѣрю грустнымъ тѣмъ мѣстамъ,
Я вѣрю темному преданью...
Я посвящаю „Вирь“ мечтамъ
И одинокому страданью!

ИЗЪ СКАЗКИ.

...Все лѣсъ и лѣсъ. А день темнѣетъ;
Низы синѣютъ, и трава
Сѣдой росой въ лугахъ бѣлѣетъ...
Проснулась сѣрая сова.

На западъ сосны вереницей
Идутъ, какъ рать сторожевыхъ,
И солнце мутное Жаръ-Птицей
Горитъ въ ихъ дебряхъ вѣковыхъ.

КОВЫЛЬ.

Что ми шумить, что ми звенить
давеча рано предъ зорями?
Сл. о Пл. Игор.

I

Что шумитъ-звенитъ передъ зарею,
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Смутно травы шепчутся сухія,—
Сладкій сонъ ихъ нарушаетъ вѣтеръ.
Опускаясь низко надъ полями
По курганамъ, по могиламъ соннымъ,
Нависаетъ въ темныхъ балкахъ сумракъ.
Блѣдный день надъ сумракомъ забрезжилъ,
И разсвѣтъ ненастный задымился...

Что шумитъ-звенитъ передъ зарею?
Что колышетъ вѣтеръ въ темномъ полѣ?

Холодѣетъ ночь передъ зарею,
Сѣрой мглой подернулися балки...
Или это ратный станъ бѣлѣетъ?
Или снова вѣетъ вольный вѣтеръ
Надъ глубоко спящими полками?
Не ковыль-ли, старый и сонливый,
Онъ качаетъ, клонитъ и качаетъ,
Вежи половецкія колышетъ
И бѣжитъ-звенитъ старинной былью?

II

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь.
Шумитъ трава дремотно и лѣниво,
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
Среди хлѣбовъ загадочно синѣетъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
Въ задумчивыхъ, тоскующихъ поляхъ,
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ...

А путь бѣжитъ... Не тотъ ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На синій Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ,
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки выли,
А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ,
Его въ степи безбрежной провожали

И клектомъ псовъ на кости созывали,
Грозя ему великою бѣдой?
— Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣть мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый!

...Безмолвна степь. Одинъ ковыль сонливый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой...

ПОСЛѢДНЯЯ ГРОЗА.

Не прохладой, не покоемъ,
А истомою и зноемъ
Ночь съ горячихъ пашенъ вѣетъ:
Хлѣбъ во мракѣ ночи зрѣетъ.

Обступаютъ осторожно
Небо тучи, и тревожно,
Точно жаръ и бредъ недуга,
Набѣгаетъ вѣтеръ съ юга.
Шелестя и торопливо
Волны вѣтра ловитъ нива,
Страстнымъ шепотомъ привѣта
Провожаетъ ихъ,— и мнится:
Ночь прощается тоскливо
Съ лаской пламеннаго лѣта,
Разметалась и томится...

Блескъ зарницъ ей точно снится,
Мракъ растетъ надъ ней кошмаромъ,

И когда всю степь пожаромъ
Красный сполохъ озаряетъ,—
Въ полѣ чей-то призракъ темный,
Величавый и огромный,
На мгновенье вырастаетъ,
Чьи-то очи ярко блещутъ,
Содрогаясь отъ усилья,
И раскинутыя крылья
За плечомъ его трепещутъ.

Какъ тотъ блескъ ее пугаетъ!
Точно въ страхѣ пробѣгаетъ
Знойный шелестъ по бурьяну...
Быть большому урагану!
Ужъ надъ этимъ смутнымъ шумомъ
Все слышнѣй, какъ за горою
Дальній громъ ворчитъ порою,
Какъ въ величіи угрюмомъ,
Потрясая своды неба,
Онъ проходитъ тяжкимъ гуломъ
Надъ шумящимъ моремъ хлѣба...

Скоро бѣшенымъ разгуломъ
Въ полѣ вѣтеръ понесется,

Скоро громъ смѣлѣе грянетъ,
Жуткимъ блескомъ даль зажжется,
Ночь испуганно воспрянетъ,
Ночь порывисто очнется —
И обильными слезами
Вся тоска ея прольется!

А на утро надъ полями
Солнце грустно улыбнется,—
Озаритъ ихъ на прощанье,
И на нивы, на селенья
Ляжетъ кроткое смиренье
Тишины и увяданья...

Ворохъ листьевъ сухихъ все сильнѣй, веселѣй разго-
И трещитъ, и пылаетъ костеръ. рается
Пышетъ пламя въ лицо; теплый дымъ на вѣтру развѣ-
Затянулъ весь лѣсной косогоръ. вается

Лѣсъ гудитъ надо мной,— на вершинахъ и шумъ, и вол-
Отъ деревьевъ качается тѣнь... неніе...
Блескомъ, шумомъ листвы наполняетъ дубравы осеннія
Этотъ солнечный, вѣтреный день.

А въ долинѣ — затишье, свѣтло отъ орѣшника яркаго,
И по свѣтлой долинѣ лѣсной
Крѣпко пахнетъ дымкомъ отъ костра распаленнаго, жаркаго
Крѣпко пахнетъ горящей корой.

Какъ янтарный— весь лѣсъ, и сквозитъ эта чаща янтарная,
И синѣетъ вверху небосклонъ...
И стоитъ надо мной тишина, тишина лучезарная,
Глушь нѣмая, таинственный сонъ.

Камни, заросли, рвы... И, тепломъ золотымъ очарованный,
Какъ во снѣ, я лежу у куста...
Странно желтой листвой озаренъ этотъ долъ заколдованный,
Эти лисьи, глухія мѣста!

Вѣтеръ звуки несетъ... Не собаки ль вдали заливаются?
Не рога ль мелодично звучатъ?..
А вершины шумятъ, а вершины скрипятъ и качаются,
Монотонно шумятъ и скрипятъ...

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв №.....

Не видно птицъ. Безмолвно чахнетъ
Лѣсъ, опустѣвшій и больной.
Грибы сошли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.

Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ — свалялася трава
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ мокрая листва.

И далеко въ лѣсу багряномъ
Кустарникъ виденъ по горѣ
И лугъ, синѣющій туманомъ
На ранней утренней зарѣ...

А въ полѣ — вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ, но свѣжъ,— и цѣлый день
Скитаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.

Тѣснятся тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ,
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ, вязкимъ и сырымъ.

И убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ монотоннымъ
Гудитъ-поетъ въ дуло ружья.

ВЪ ОТЪѢЗЖЕМЪ ПОЛѢ.

В. Я. БРЮСОВУ.

Сумракъ ночи къ западу уходитъ,
Сѣрой мглой надъ черной пашней бродитъ
По бурьянамъ стелется къ землѣ...
Звѣзды стали тусклы и далеки,
Небеса — туманны и глубоки,
Но востокъ ужъ виденъ въ полумглѣ.

Лошади продрогли. Сѣверъ дышитъ
Вѣтромъ ночи и полынь колышетъ...
Вотъ и утро! — Въ колеяхъ дорогъ
Грязь чернѣетъ, лужи заалѣли...
Томно псы голодные запѣли...
Встань, труби въ холодный, звонкій рогъ!

Старыхъ предковъ я наслѣдье чую,
Звѣремъ въ полѣ осенью ночую,
На зарѣ добычи жду... Скудна
Жизнь моя, расцвѣтшая въ неволѣ,
И хочу я слѣпо въ дикомъ полѣ
Силу страсти вычерпать до дна!

Подъ небомъ мертвенно-свинцовымъ
Угрюмо меркнетъ зимній день,
И нѣтъ конца лѣсамъ сосновымъ,
И далеко до деревень.

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой снѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль.

Вьется путь въ снѣгахъ, въ степи широкой.
Вотъ — луга и надъ оврагомъ мостъ,
Подъ горой — поселокъ одинокій,
На горѣ — заброшенный погостъ.

Ни души въ поселкѣ; не краснѣютъ
Изъ-подъ крышъ вечерніе огни;
Слѣпо срубы въ сумеркахъ чернѣютъ...
Знаю я, — покинуты они.

Пахнетъ въ нихъ холодною золою,
Въ печку провалилася труба,
И давно ужъ смотритъ нежилою,
Мертвой и холодною изба.

Подъ застрѣхи вѣтеръ жесткій дуетъ,
Сыплетъ снѣгомъ... Только онъ одинъ
О тебѣ, родимый край, тоскуетъ
Посреди пустыхъ твоихъ равнинъ!

Мы спѣшимъ, мы ищемъ лучшей доли,
Мы хотимъ, чтобъ это стало сномъ—
И погостъ, и вѣшки въ бѣломъ полѣ,
И пустыня въ сумракѣ ночномъ.

Путь бѣжитъ, въ степи метель играетъ,
Хмуро сходитъ долгой ночи тѣнь...
О, пускай скорѣе умираетъ
Этотъ жуткій, этотъ тусклый день!

НОЧНАЯ ВЬЮГА.

К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Когда на темный городъ сходитъ
Въ глухую ночь глубокій сонъ,
Когда метель, кружась, заводитъ
На колокольняхъ перезвонъ, —

Какъ жутко сердце замираетъ!
Какъ заунывно въ этотъ часъ
Сквозь вопли бури долетаетъ
Колоколовъ невнятный гласъ!

Звучитъ онъ скорбью погребальной,
И снится мнѣ: ужъ не взойдетъ
Изъ тьмы холодной и печальной
Ни новый день, ни новый годъ.

Міръ опустѣлъ... Земля остыла...
А вьюга трупы замела
И вѣтромъ звѣзды загасила,
И бьетъ во тьмѣ въ колокола.

И на пустынномъ, на великомъ
Погостѣ жизни міровой
Кружится смерть въ весельи дикомъ
И развѣваетъ саванъ свой!

ЗВѢЗДЫ.

Ночь и даль сѣдая,
Въ инеѣ лѣса.
Звѣздами мерцая,
Свѣтятъ небеса.

Звѣздный свѣтъ бѣлѣетъ,
И земля окрестъ
Стынетъ-цѣпенѣетъ
Въ млечномъ свѣтѣ звѣздъ.

Тихо, какъ въ пустынѣ...
Четко за горой
На рѣкѣ въ долинѣ
Треснетъ ледъ порой...

Метеоръ зажжется,
Озаряя снѣгъ..
Шорохъ пронесется —
Звѣря легкій бѣгъ...

И опять — молчанье...
Въ блѣдной мглѣ равнинъ,
Затаивъ дыханье,
Я стою одинъ,

И объятый чуткой
Странною дремой,
Жду чего-то въ жуткой
Тишинѣ нѣмой.

ВЪ ФЕВРАЛѢ.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВУ.

Свѣжѣютъ съ каждымъ днемъ и молодѣютъ сосны
Чернѣетъ лѣсъ, синѣетъ мягко даль.
Сдается, наконецъ, сырымъ вѣтрамъ февраль,
И потемнѣлъ въ лощинахъ снѣгъ наносный.

На гумнахъ и въ саду по-зимнему покой
Царитъ въ затишьѣ дѣдовскихъ строеній,
Но что-то тянетъ въ залъ, холодный и пустой,
Гдѣ пахнетъ сыростью весенней.

Сквозь стекла потныя заклеенныхъ дверей
Гляжу я на балконъ, гдѣ снѣгъ еще наваленъ,
И голый, мокрый садъ теперь мнѣ не печаленъ,—
На гнѣзда въ сучьяхъ липъ опять я жду грачей.

Жду, какъ въ тюрьмѣ, давно желанной воли,
Тумановъ мартовскихъ, чернѣющихъ бугровъ,
И свѣта, и тепла отъ бѣлыхъ облаковъ,
И первыхъ жаворонковъ въ полѣ!

ВЕСЕННЕЕ.

Таетъ снѣгъ — и солнце ярко
Блещетъ въ полдень надъ полями;
Въ блескѣ солнца влажный вѣтеръ
По лѣсамъ-полямъ гуляетъ.

Но поля еще пустынны,
Но лѣса еще безмолвны;
Только сосны, точно арфы,
Напѣваютъ монотонно.

И подъ ихъ напѣвъ неясный
Въ заповѣдныхъ чащахъ бора
Сладко спитъ весна-царевна
Въ бѣлоснѣжномъ саркофагѣ.

Вѣтерокъ ее ласкаетъ,
Пригрѣваетъ полдень яркій,
Но, блѣдна и неподвижна,
Снитъ царевна въ сладкихъ грезахъ.

Спитъ,— а скоро ужъ въ долинахъ
Солнце бѣлый снѣгъ растопитъ,
И пойдутъ бурлить потоки
По долинамъ и оврагамъ.

Налетятъ лѣсныя птицы,
Зашумятъ грачи, а съ ними —
Зацвѣтутъ, зазеленѣютъ,
Оживутъ лѣса и рощи.

И придетъ апрѣль-красавецъ
Изъ заморскихъ странъ далекихъ
На зарѣ, когда въ долинахъ
Таютъ синіе туманы,

На зарѣ, когда отъ солнца
Пахнетъ лѣсъ зеленой хвоей,
Пахнетъ теплою землею
И апрѣльскими цвѣтами,

И склонится онъ съ улыбкой
Надъ царевною безмолвной
И прильнетъ къ устамъ царевны
Крѣпко жаркими устами,

И она въ испугѣ вздрогнетъ,
Разомкнетъ свои рѣсницы,
Глянетъ, вспыхнетъ — и улыбкой
Озаритъ весь міръ влюбленный!

Бушуетъ полая вода,—
Шумитъ и глухо, и протяжно.
Грачей пролетныя стада
Кричатъ и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утромъ въ воздухѣ нагрѣтомъ
Густые бѣлые пары
Напоены тепломъ и свѣтомъ.

А въ полдень лужи у крыльца
Такъ разливаются и блещутъ,
Что въ нашей дѣтской — безъ конца
По стѣнамъ „зайчики“ трепещутъ.

Межъ круглыхъ рыхлыхъ облаковъ
Невинно небо голубѣетъ,
И солнце ласковѣе грѣетъ
Въ затишьѣ гуменъ и дворовъ.

Весна, весна! И все ей радо;
Какъ въ забытьи какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.

Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

ТРИ НОЧИ.

Старый садъ всю ночь гудѣлъ угрюмо,
Дождь шумѣлъ и, словно капли слезъ,
Падалъ онъ въ холодный снѣгъ на землю
Съ голыхъ сучьевъ стонущихъ березъ.

По лѣснымъ трущобамъ и оврагамъ,
По полямъ, пустыннымъ и глухимъ,
Первые весенніе туманы
Расползались медленно, какъ дымъ.

И лѣса сѣдой одѣлись мглою,
На озерахъ поднялися льды,
И долины грозно потемнѣли
Отъ свинцовой мартовской воды...

А другая ночь — все побѣдила:
Вѣтеръ снесъ сырой туманъ съ полей,
Загорѣлись звѣзды, и въ долинахъ
Зашумѣли воды веселѣй.

До зари кричали хлопотливо
Въ ближней рощѣ черные грачи,
Старый садъ и тихую усадьбу
Оглашали стонами сычи.

И темнѣй ночное было небо,
Оттого, что съ юга надъ землей
Вѣяло весеннимъ ароматомъ,
Вѣяло грядущею весной...

И недолги были ожиданья:
За день вся природа ожила!
Вечеръ былъ задумчивъ и прекрасенъ
И заря, какъ лѣтняя, тепла.

А когда померкъ закатъ далекій,
Вспомнилась мнѣ молодость моя,
И окно открылъ я, и забылся,
Въ сердцѣ грусть и радость затая.

Понялъ я, что юной жизни тайна
Въ міръ пришла подъ кровомъ темноты,
Что весна вернулась — и незримо
Вырастаютъ первые цвѣты.

ВЪ ГЕѲСИМАНСКОМЪ САДУ.

И въ этотъ часъ, гласитъ преданье,
Когда, сомнѣніемъ томимъ,
Изнемогалъ Онъ отъ страданья,
Все преклонилось передъ Нимъ.

Затихла ночь въ благоговѣньи,
И слышалъ Онъ: „Моихъ вѣтвей
Колючій тернъ — вѣнцомъ мученья
Возложатъ на главѣ Твоей;

„Но тернь короною зеленой
Чело святое обовьетъ,—
Въ міръ подъ страдальческой короной,
Какъ Царь царей, Господь войдетъ!“

И кипарисъ, надъ Нимъ шумящій,
Ему шепталъ во тьмѣ ночной:
„Благословенъ Господь скорбящій,—
Великъ и славенъ подвигъ Твой!

„Я вознесу надъ всей вселенной
Мой тяжкій крестъ, и на крестѣ
Весь міръ узритъ Тебя, Смиренный,
Въ неизрѣченной красотѣ!“

Но снова Онъ въ тоскѣ склонялся,
Но снова Онъ скорбѣлъ душой...
И вѣтеръ ласковой струей
Его чела въ тиши касался:

„О, подними Свой грустный взоръ!
Въ часъ скорби, въ темный часъ страданья
Прохлады свѣжее дыханье
Я принесу съ долинъ и горъ,—

„Я нѣжной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
Я отъ востока до заката
Твои глаголы возвѣщу!“

Христосъ воскресъ! — Опять съ зарею
Рѣдѣетъ долгой ночи тѣнь.
Опять зажегся надъ землёю
Для новой жизни новый день!

Еще чернѣютъ чащи бора;
Еще въ тѣни его сырой,
Какъ зеркала, стоятъ озера
И дышатъ свѣжестью ночной;

Еще въ синѣющихъ долинахъ
Плывутъ туманы... Но смотри:
Уже горятъ на горныхъ льдинахъ
Лучи огнистые зари!

Они въ выси пока сіяютъ,
Недостижимой, какъ мечта,
Гдѣ голоса земли смолкаютъ
И непорочна красота.

Но съ каждымъ часомъ приближаясь
Изъ-за алѣющихъ вершинъ,
Они заблещутъ, разгораясь,
И въ тьму лѣсовъ, и въ глубь долинъ;

Они взойдутъ въ красѣ желанной
И возвѣстятъ съ высотъ небесъ,
Что день насталъ обѣтованный,
Что Богъ воистину воскресъ!

Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ,
По лугамъ холодный сумракъ легъ.
Спятъ грачи; далекій шумъ потока
Въ темнотѣ таинственно заглохъ.

Но свѣжѣе пахнетъ зеленями
Молодой озябшій черноземъ
И струится чище надъ полями
Звѣздный свѣтъ въ молчаніи ночномъ.

По лощинамъ, звѣзды отражая,
Ямы свѣтятъ тихою водой,
Журавли, другъ друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна въ зазеленѣвшей рощѣ
Ждетъ зари, дыханья затая,—
Чутко внемлетъ шороху деревьевъ,
Зорко смотритъ въ темныя поля.

Одинъ встрѣчаю я дни радостной недѣли,—
Въ глуши, на сѣверѣ... А тамъ у васъ весна:
Растаялъ въ полѣ снѣгъ, лѣса повеселѣли,
Даль заливныхъ луговъ лазурна и ясна;
Стыдливо бѣлая береза зеленѣетъ,
Проходятъ облака все выше и нѣжнѣй,
А вѣтеръ сушитъ садъ и мягко въ окна вѣетъ
Тепломъ апрѣльскихъ дней,
И въ тихія поля, на хуторокъ убогій
Приноситъ вѣсть тебѣ изъ дальняго села,
Что нынче свѣтлый день, что съ радостной тревогой
Весну и Свѣтлый День поютъ колокола.

ПОСЛѢ ПОЛОВОДЬЯ.

Прошли дожди, апрѣль теплѣетъ.
Всю ночь — туманъ, а по утру
Весенній воздухъ точно млѣетъ
И мягкой дымкою синѣетъ
Въ далекихъ просѣкахъ въ бору.

И тихо дремлетъ боръ зеленый.
И въ серебрѣ лѣсныхъ озеръ—
Еще стройнѣй его колонны,
Еще свѣжѣе сосенъ кроны
И нѣжныхъ лиственницъ узоръ!

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Снится мнѣ приволье тихихъ деревень,
Въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза,
Озими да пашни — и апрѣльскій день.
Весело синѣетъ утреннее небо,
Легкой бѣлой зыбью облака плывутъ,
Важно грачъ гуляетъ за сохой на пашнѣ,
Паръ блеститъ надъ пашней... А кругомъ поютъ
Жаворонки въ ясной вышинѣ воздушной
И на землю съ неба звонко трели льютъ.

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Дѣвушкой-невѣстой снится мнѣ Весна:
Очи голубые, личико худое,
Стройный станъ высокій, русая коса.
Весело ей въ полѣ теплымъ яснымъ утромъ!
Милъ ей край родимый, — степь и тишина,

Милъ ей бѣдный сѣверъ, мирный трудъ крестьянскій,
И съ привѣтомъ смотритъ на поля она:
На устахъ улыбка, а въ очахъ раздумье —
Юности и счастья первая весна!

Въ сторонѣ далекой отъ родного края
Грезится мнѣ юность, какъ далекій сонъ,—
Свѣтлый сонъ, въ которомъ снилося мнѣ счастье,
Утро дней весеннихъ, ясный небосклонъ.
Но проходятъ годы и мечты блѣднѣютъ...
Счастье обмануло молодость мою...
Пусть оно порою мнѣ смущаетъ душу,
Пусть я дни былые, какъ мечту, люблю,—
Я былымъ надеждамъ мой привѣтъ прощальный
Съ горькою улыбкой и съ тоскою шлю!

За рѣкой луга зазеленѣли,
Вѣетъ легкой свѣжестью воды;
Веселѣй по рощамъ загвенѣли
Пѣсни птицъ на разные лады.

Вѣтерокъ съ полей тепло приноситъ,—
Ароматъ лозины молодой...
О, весна! Какъ сердце счастья проситъ!
Какъ сладка печаль моя весной!

Кротко солнце листья пригрѣваетъ
И дорожки мягкія въ саду...
Не пойму, что душу раскрываетъ,
И куда я медленно бреду!

Не пойму, кого съ тоской люблю я,
Кто мнѣ дорогъ... И не все ль равно?
Счастья жду я, мучась и тоскуя,
Но не вѣрю въ счастье ужъ давно!

Горько мнѣ, что я безплодно трачу
Чистоту и нѣжность лучшихъ дней,
Что одинъ я радуюсь и плачу
И не знаю, не люблю людей.

Горько мнѣ, что сердце такъ устало,
А душа горячихъ силъ полна,
Что для сердца скорбнаго настала,
Можетъ быть, послѣдняя весна.

ВЪ МАѢ.

Все темнѣй и кудрявѣй березовый лѣсъ зеленѣетъ;
Колокольчики ландышей въ чащѣ зеленой цвѣтутъ;
На разсвѣтѣ въ долинахъ тепломъ и черемухой вѣетъ,
Соловьи до разсвѣта поютъ.

Скоро Троицынъ день, скоро пѣсни, вѣнки и покосы...
Все цвѣтетъ и поетъ, молодыя надежды тая...
О, весеннія зори и теплыя майскія росы!
О, далекая юность моя!

Зной,— но ясно лазурное небо глядится
По весеннему въ свѣтлыя воды рѣки,
На лугахъ заливныхъ тонкій паръ золотится,
И рыбалки блестятъ, и кричатъ кулики.

Лѣсъ зеленый кругомъ — молодой и росистый,
А въ лѣсу — тишина; и среди тишины —
Только голосъ кукушки... Вѣщунъ голосистый!
Отзовись, доживу ли до новой весны?

И приду ли опять въ этотъ лѣсъ, напоенный
Ароматомъ весеннимъ и блескомъ лучей,
Буду ль снова считать въ чащѣ темно-зеленой,
Сколько свѣтлыхъ еще мнѣ осталося дней?

Буду ль снова внимать тебѣ съ грустью глубокой
Съ тайной грустью въ душѣ, что проходятъ года,
Что весь міръ я люблю, но люблю одиноко,—
Одиноко вездѣ и всегда?

Народился мѣсяцъ молодой.
Робко онъ весенними зарями
Свѣтитъ надъ зеркальною водой,
По садамъ сіяя межъ вѣтвями.

Не угасъ еще вдали закатъ,
И листва сквозитъ узоромъ четкимъ,
А подъ ней ужъ серебрится садъ
Свѣтомъ и таинственнымъ, и кроткимъ.

Тихій прудъ среди кудрявыхъ вербъ
Озарился, блестками играя...
Но настала ночь — и лунный серпъ
Угасаетъ, точно умирая.

Завтра онъ зарею выйдетъ вновь
И опять напомнитъ, одинокій,
Мнѣ весну и первую любовь
И твой образъ, милый и далекій...

СОЛОВЬИ.

То разрастаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ,
Шумѣла тополей аллея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.

Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.

Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ —
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Но вотъ по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,

Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ

Затихло сразу и глубоко,
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ,—
И благодатно и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.

На межи низко наклонились
Хлѣба въ поляхъ... А изъ садовъ
Все также звучно доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Когда же, медленно слабѣя,
Дождь отшумѣлъ и замеръ громъ,
Ночь переполнила аллеи
Благоуханьемъ и теплом.

Паръ, неподвижный и пахучій,
Стоялъ въ хлѣбахъ. Спала земля.
Заря чуть теплилась подъ тучей
Полоской алаго огня...

А изъ лощинъ, гдѣ распускались
Во тьмѣ цвѣты, и изъ садовъ
Лились и въ чащахъ отдавались
Все ярче пѣсни соловьевъ.

Снова сонъ, плѣнительный и сладкій,
Снится мнѣ и радостью пьянитъ,—
Милый взоръ зоветъ меня украдкой
Ласковой улыбкою манитъ.

Знаю я,— опять меня обманетъ
Этотъ сонъ при первомъ блескѣ дня,
Но пока печальный день настанетъ,
Улыбнись мнѣ — обмани меня!

Счастливъ я, когда ты голубыя
Очи поднимаешь на меня:
Свѣтятъ въ нихъ надежды молодыя —
Небеса безоблачнаго дня.

Горько мнѣ, когда ты, опуская
Темныя рѣсницы, замолчишь:
Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застѣнчиво таишь.

Но всегда, вездѣ и неизмѣнно
Близъ тебя свѣтла душа моя...
Милый другъ! О, будь благословенна
Красота и молодость твоя!

НА ПРУДѢ.

Яснымъ утромъ на тихомъ прудѣ
Рѣзво ласточки рѣютъ кругомъ,
Опускаются къ самой водѣ,
Чуть касаются влаги крыломъ.

На лету онѣ звонко поютъ,
А вокругъ зеленѣютъ луга,
И стоитъ, словно зеркало, прудъ,
Отражая свои берега.

И, какъ въ зеркалѣ, межъ тростниковъ,
Съ береговъ опрокинулся лѣсъ,
И уходитъ узоръ облаковъ
Въ глубину отраженныхъ небесъ.

Облака тамъ нѣжнѣй и бѣлѣй,
Глубина—безконечно свѣтла...
И доносится мѣрно съ полей
Надъ водой тихій звонъ изъ села.

Когда деревья въ свѣтлый майскій день
Дорожки осыпаютъ бѣлымъ цвѣтомъ,
И вѣтерокъ въ аллеѣ, полной свѣтомъ,
Струитъ листвы узорчатую тѣнь,
Я свой привѣтъ изъ тихихъ деревень
Шлю дѣвушкамъ и юношамъ-поэтамъ:
Пусть встрѣтитъ жизнь ихъ ласковымъ привѣтомъ,
Пусть будетъ свѣтелъ ихъ весенній день,
Пусть ихъ мечты развѣетъ бѣлымъ цвѣтомъ!

Мнѣ хорошо, мнѣ грустно и легко
Тогда мечтать про молодость былую,
Мнѣ радостно, что я еще тоскую
О томъ, что невозвратно-далеко.
Свой первый май невесело и бѣдно
И встрѣтилъ я и на-вѣкъ проводилъ,
Но я любилъ, надѣялся, грустилъ—
И не прошла весна моя безслѣдно.
Я не забылъ ея святой привѣтъ,
Я зналъ ея несбыточныя грезы,
Я до сихъ поръ сквозь радостныя слезы
Гляжу на ихъ недолгій, нѣжный цвѣтъ!

ТРОИЦА.

Гудящій благовѣстъ къ молитвѣ призываетъ,
На солнечныхъ лучахъ надъ нивами звенитъ;
Даль заливныхъ луговъ въ лазури утопаетъ,
И рѣчка на лугахъ сверкаетъ и горитъ.

А на селѣ съ утра идетъ обѣдня въ храмѣ:
Зеленою травой усыпанъ весь амвонъ,
Алтарь, сіяющій и убранный цвѣтами,
Янтарнымъ блескомъ свѣчъ и солнца озаренъ.

И звонко хоръ поетъ, веселый и нестройный,
И въ окна вѣтерокъ приноситъ ароматъ...
Твой нынче день насталъ, усталый, кроткій братъ,
Весенній праздникъ твой, и свѣтлый, и спокойный!

Ты нынче съ трудовыхъ засѣянныхъ полей
Принесъ сюда въ дары простыя приношенья:
Гирлянды молодыхъ березовыхъ вѣтвей,
Печали тихій вздохъ, молитву — и смиренье...

Лѣсъ шумитъ невнятнымъ ровнымъ шумомъ...
Лепетъ листьевъ клонитъ въ сонъ и лѣнь...
Пѣтухи въ далекой караулкѣ
Распѣваютъ про весенній день.

Лѣсъ шумитъ веселымъ, тихимъ шумомъ...
Хорошо и беззаботно мнѣ
На травѣ, среди березъ зеленыхъ,
Въ тихой и безвѣстной сторонѣ!

Такъ привыкъ я къ горю и заботамъ,
Что мнѣ страненъ этотъ ясный день,
Точно долженъ упрекнуть себя я
И за эту радость, и за лѣнь.

Но укоръ въ улыбкѣ замираетъ...
Лѣсъ шумитъ, дрожитъ узоръ тѣней...
Убѣгаетъ свѣтлый лепетъ листьевъ,
Тихій лепетъ свѣтлыхъ дѣтскихъ дней!

Крупный дождь въ лѣсу зеленомъ
Прошумѣлъ по стройнымъ кленамъ,
По лѣснымъ цвѣтамъ...
Слышишь? — Звонко, звонко льется,
Беззаботно раздается
Пѣсня по лѣсамъ.

По долинамъ и по чащамъ,
Ароматнымъ и блестящимъ,
Тамъ Весна идетъ.
Къ жизни, къ счастью, къ юной страсти
Пѣсней, полной дивной власти,
Весело зоветъ.

Крупный дождь въ лѣсу зеленомъ
Прошумѣлъ по стройнымъ кленамъ,
Глубь небесъ ясна...
Въ каждомъ сердцѣ возникаетъ,—
И томитъ, и увлекаетъ
Образъ твой, Весна!

На призывъ — въ далекихъ чащахъ,
Ароматныхъ и блестящихъ,
Дразнишь этомъ ты...
Но кому оно отвѣтитъ?
Кто хоть разъ съ восторгомъ встрѣтитъ
Милыя черты?

О, надежды золотыя!
Рощи темныя, густыя
Обманули васъ...
Голосъ нѣжный и призывный!
Прозвучалъ ты пѣсней дивной —
И вдали угасъ!

Не пугай меня грозою:
Веселъ грохотъ вешнихъ бурь!
Послѣ бури надъ землею
Свѣтитъ радостнѣй лазурь,
Послѣ бури, молодѣя
Въ блескѣ новой красоты,
Ароматнѣй и пышнѣе
Распускаются цвѣты!

Но страшитъ меня ненастье:
Горько думать, что пройдетъ
Жизнь безъ горя и безъ счастья,
Въ суетѣ дневныхъ заботъ,
Что увянутъ жизни силы
Безъ борьбы и безъ труда,
Что сырой туманъ унылый
Солнце скроетъ навсегда!

Вдали еще гремитъ, но тучи ужъ свалились,
Какъ горы дымныя, идутъ онѣ на югъ.
Опять лазурь ясна, опять весна вокругъ,
И яркимъ солнцемъ чащи озарились.

Изъ-за лѣсныхъ вершинъ далекой церкви шпицъ
Горячимъ золотомъ трепещетъ и сверкаетъ,
Звенятъ въ низахъ ручьи и льется пѣнье птицъ,
А на полянахъ снова припекаетъ.

Густѣетъ облаковъ волнитосе руно;
Они сдвигаются, спускаются все ниже—
И вотъ ужъ солнца нѣтъ: опять въ лѣсу темно,
Дождь зашумѣлъ — и все слышнѣй и ближе.

Нахохлясь птицы спятъ и тихо лѣсъ стоитъ
И точно чувствуетъ, счастливый и покорный,
Какъ много свѣжести и силы благотворной
Весенняя гроза въ себѣ таитъ!

Какъ флеромъ даль полей закрывъ на полчаса,
Прошелъ внезапный дождь косыми полосами.—
И снова глубоко синѣютъ небеса
Надъ освѣженными полями.

Тепло и влажный блескъ. Запахли медомъ ржи,
На солнцѣ бархатомъ пшеницы отливаютъ,
И въ молодомъ лѣсу, въ березкахъ у межи,
Безпечно иволги болтаютъ.

И веселъ звучный лѣсъ, и вѣтеръ межъ березъ
Ужъ вѣетъ ласково, а бѣлыя березы
Роняютъ тихій дождь своихъ алмазныхъ слезъ
И улыбаются сквозь слезы.

Туча растаяла. Влажнымъ тепломъ
Вѣетъ весенняя ночь надъ селомъ;
Вѣтеръ приноситъ съ полей ароматъ,
Слабо алѣетъ за степью закатъ.

Тонкій туманъ надъ стемнѣвшей рѣкой
Легъ серебристою, нѣжной фатой,
И за рѣкою, въ неясной тѣни,
Робко блестятъ золотые огни.

Въ тихомъ саду замолчалъ соловей;
Падаютъ капли во мракѣ съ вѣтвей;
Пахнетъ черемухой.. Сладостнымъ сномъ
Вѣетъ въ затишьи ночномъ...

Звѣзды ночью весенней нѣжнѣе,
Соловьи осторожнѣй поютъ...
Я люблю эти темныя ночи,
Эти звѣзды, и клены, и прудъ.

Ты, какъ звѣзды, чиста и прекрасна...
Радость жизни во всемъ я ловлю —
Въ звѣздномъ небѣ, въ цвѣтахъ, въ ароматахъ...
Но тебя я нѣжнѣе люблю.

Лишь съ тобою я счастливъ, какъ въ дѣтствѣ
И тебя не замѣнитъ ничто:
Ты одна меня знаешь и любишь,
И одна понимаешь — за что!

Какъ свѣтла, какъ нарядна весна!..
Погляди мнѣ въ глаза, какъ бывало,
И скажи: отчего ты грустна?
Отчего ты такъ ласкова стала?

Но молчишь ты, слаба, какъ цвѣтокъ...
О, молчи! — Мнѣ не надо признанья:
Я узналъ эту ласку прощанья,—
Я опять одинокъ!

Л И Л І И.

А. АСНЫКА.

Золотыя кудри въ косы
Панночка плететъ;
Заплетаючи, въ раздумьи
Пѣсенку поетъ:

Темной ночью бѣлыхъ лилій
Сонъ неясный тихъ.
Вѣтерокъ ночной прохладой
Обвѣваетъ ихъ.

Ночь ихъ чашечки закрыла,
Ночь хранитъ цвѣты
Въ одѣяніи невинной,
Чистой красоты,

И сказала: спите, спите
Въ этотъ тихій часъ!
День настанетъ — солнца пламень
Сгубитъ, сгубитъ васъ!

Дня не ждите,— безконеченъ
Знойный день, а сонъ,
Счастья сонъ недолговѣченъ
И умчится онъ.

Но, таинственно впивая
Холодокъ ночной,
Къ солнцу тянутся, къ востоку
Лиліи съ тоской,

Ждутъ, чтобъ солнце алымъ блескомъ
И тепломъ своимъ
Нѣжно бѣлые бокалы
Растворило имъ.

И напрасно ночь лелѣетъ
Каждый лепестокъ —
Грезитъ дѣвушка о миломъ,
Солнца ждетъ цвѣтокъ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА.

МОТИВЪ СЕНКЕВИЧА.

Небеса проповѣдуютъ славу Божію, и о дѣлахъ рукъ Его вѣщаетъ твердь. День дню передаетъ рѣчь, и ночь ночи открываетъ знаніе. Псал. 18.

Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за лѣса и моря.
Въ темныхъ лѣсахъ засинѣли туманы,
Въ морѣ горитъ золотая заря.

День угасаетъ. Дневныя заботы
Съ тихой зарей забываетъ земля.
Пахарь усталый вернулся съ работы,
Въ теплой росѣ засыпаютъ поля.

Вотъ потянулися птицъ караваны...
— Какъ необъятны зарей небеса!
Солнце уходитъ въ далекія страны,
Въ сумракъ ночной, за моря и лѣса...

Темнѣетъ храмъ лѣсовъ. И кроткій, и веселый,
Вечерній льется свѣтъ въ лѣсную глубину.
Дремотно-ласково жужжатъ на солнцѣ пчелы,
Кончая мирный день и отходя ко сну.

Клубится мошекъ рой. Задумчиво заводятъ
Свой жалобный концертъ лѣсные комары...
Но гаснетъ, гаснетъ свѣтъ... Изъ листьевъ и коры
Ночныя бабочки угрюмыя выходятъ...

Стихаетъ дятловъ стукъ... Съ заката потянулъ
Неясный вѣтерокъ... Закатъ еще краснѣетъ,
Но близко часъ ночной—и храмъ лѣсовъ темнѣетъ,
И подымается чуть слышный, смутный гулъ.

То рать отцовъ-дубовъ заводитъ разговоры,
То на вечерній гимнъ скликаются лѣса...
И вотъ окончѣнъ день: въ торжественные хоры
Сливаются лѣсные голоса.

«Сестры, возрадуйтесь! День благодатный,
Тихій и теплый, Господь даровалъ.
Славой Господней огонь предзакатный,
Славой небесною Западъ пылалъ.

«Звѣздную ночь Онъ теперь посылаетъ,
Темной землѣ Онъ огни засвѣтилъ;
Сонъ безмятежный на насъ наступаетъ...
Дивны велѣнія Господа Силъ!»

Мгновенье вдумчиво молчатъ во мракѣ сосны,
Мгновенье — и звучитъ согласно по лѣсамъ:
«Господь, Господь! Какъ ладонъ росный,
Благоухаетъ нашъ бальзамъ.

«И ароматъ любвеобильный
Мы изливаемъ въ теплой мглѣ
Тебѣ, Господь! Тебѣ, Всесильный
На небесахъ и на землѣ!»

Тихой пѣсней имъ вторятъ березы вѣтвистыя.
«Отче нашъ! При сіяньи озеръ
Зори свѣтлыя, зори огнистыя
Золотятъ нашъ зеленый уборъ.

«И подъ ласкою вѣтра цѣлебною
Наши тонкія вѣтви шумятъ,
И Тебѣ онѣ арфой хвалебною,
Нашей радостной пѣсней звучать!»

И кончаютъ грустною мольбою
Пихты темныя, ушедшія во мглу:
«Сестры! Братья! Радуйтесь покою
И творите Господу хвалу!

«Истомилъ насъ день тяжелымъ зноемъ,
Но темнѣютъ тихо небеса,
Вѣетъ ночь прохладой и покоемъ,
Падаетъ вечерняя роса!»

И смолкаетъ весь міръ, забывается сномъ благодатнымъ.
Гаснутъ вспышки зарницъ. А изъ влажнаго мрака лѣсовъ,
Замирая, звучитъ отъ земли къ небесамъ необъятнымъ
Отдаленный хоралъ голосовъ.

И въ предвѣчныя сферы незримо летятъ пѣснопѣнья,
Улетаютъ отъ міра, все дальше плывутъ отъ него,
Высокò-высокò, гдѣ ужъ нѣтъ никакого творенья,
Гдѣ ужъ нѣтъ ничего, ничего! —

Только темныя бездны, лазурныя бездны струятся,
Млечный путь, какъ рѣка, въ безконечныя дали ушелъ.
Только звѣзды и звѣзды серебряной пылью роятся,
А надъ звѣздами — Божій престолъ.

Отдохни, — еще утро не скоро,
Ночь изъ тихихъ лѣсовъ не ушла.
Подъ навѣсами соннаго бора —
Предразсвѣтная теплая мгла.

Еще раннія птицы не пѣли;
Чуть сѣрѣютъ вверху небеса,
Влажно-зелены темныя ели,
Пахнетъ лѣтнею хвоей роса...

И пускай не свѣтаетъ подольше!
Этотъ медленный путь по лѣсамъ,
Эта ночь — не воротится больше,
Но легко предъ разлукою намъ.

Любимъ мы предъ разлукой нѣжнѣе,
И теперь на душѣ у меня
Нѣтъ тоски: никогда мы дружнѣе
Не встрѣчали и лучшаго дня!

Колокольчикъ въ молчаніи бора
То замретъ, то опять запоетъ...
Тихо ночь по долинамъ идетъ...
Отдохни, — еще утро не скоро.

ВЪ ПОѢЗДѢ.

Все шире вольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами;
И хутора, и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями.

Давно за ними потонулъ
Нашъ городокъ на горныхъ склонахъ,
Давно подъ этотъ мѣрный гулъ
Несемся мы въ степяхъ зеленыхъ.

И какъ хорошъ и веселъ день!
Какъ сердце радуютъ равнины
И отдаленныхъ деревень
Родныя, милыя картины!

Вотъ подъ горою скитъ святой
Въ бору бѣлѣетъ за лугами...
Вотъ мостъ желѣзный надъ рѣкой
Промчался съ грохотомъ подъ нами...

А вотъ и лѣсъ! — И гулъ идетъ
Подъ стукъ колесъ въ лѣсу зеленомъ;
Березъ веселыхъ хороводъ,
Шумя, встрѣчаетъ насъ поклономъ.

И все темнѣй за ними лѣсъ,
А сосенъ красныя колонны,
Подъ голубымъ шатромъ небесъ,
Надъ нимъ свои возносятъ кроны.

Отъ паровоза бѣлый дымъ,
Какъ хлопья ваты, расползаясь,
Плыветъ, цѣпляется по нимъ,
Къ землѣ безпомощно склоняясь,

И въ лѣсъ манитъ онъ за собой,
Гдѣ солнце въ просѣкѣ сверкаетъ,
Гдѣ въ чащѣ, темной и густой,
Душистый ландышъ расцвѣтаетъ.

Но ужъ опять кусты пошли,
Опять деревьевъ строй рѣдѣетъ
И безконечная въ дали
Степь развернулась и синѣетъ,

Опять привольныя поля
Проходятъ мимо насъ кругами,
И хутора и тополя
Плывутъ, скрываясь за полями

Гаснетъ вечеръ, даль синѣетъ,
Солнышко садится,
Степь да степь кругомъ — и всюду
Нива колосится!

Пахнетъ медомъ, зацвѣтаетъ
Бѣлая гречиха...
Звонъ къ вечернѣ изъ деревни
Долетаетъ тихо...

А вдали кукушка въ рощѣ
Медленно кукуетъ...
Счастливъ тотъ, кто на работѣ
Въ полѣ заночуетъ!

Гаснетъ вечеръ, скрылось солнце,
Лишь закатъ краснѣетъ...
Счастливъ тотъ, кому зарею
Теплый вѣтеръ вѣетъ;

Для кого мерцаютъ кротко,
Свѣтятся съ привѣтомъ
Въ темномъ небѣ темной ночью
Звѣзды тихимъ свѣтомъ;

Кто усталъ на нивѣ за день
И уснетъ глубоко
Мирнымъ сномъ подъ звѣзднымъ небомъ
На степи широкой!

Ночь идетъ — и темнѣетъ
Блѣдносиній востокъ...
Отъ одеждъ ея вѣетъ
По полямъ вѣтерокъ.

День былъ дологъ и зноенъ...
Ночь идетъ и поетъ
Колыбельную пѣсню
И къ покою зоветъ.

Грустенъ взоръ ея темный,
Одинокъ ея путь...
Спи-усни, мое сердце!
Отдохни... Позабудь.

Въ темнѣющихъ поляхъ, какъ въ безграничномъ морѣ,
Померкъ и потонулъ зари печальный свѣтъ —
И мягко мракъ ночной плыветъ въ степномъ просторѣ
Нѣмой зарѣ во слѣдъ.

Изъ зрѣющихъ хлѣбовъ, какъ теплое дыханье,
Порою вѣтерокъ касается чела.
Но спятъ уже хлѣба... Царитъ кругомъ молчанье,
Молчатъ перепела.

Лишь суслики во ржи скликаются свистками
Иль по межѣ тушканъ, таинственно, какъ духъ,
Несется быстрыми, неслышными прыжками
И пропадаетъ вдругъ...

Серпъ луны подъ тучкой длинной
Льетъ полночный слабый свѣтъ.
Надъ безмолвною долиной
Дремлетъ церкви силуэтъ.

Серпъ луны за тучкой таетъ,—
Проплывая, гаснетъ онъ.
Съ колокольни долетаетъ,
Замирая, сонный звонъ.

Серпъ луны въ просвѣты тучи
Съ грустью тихою глядитъ,
Подъ вѣтвями ивъ плакучихъ
Тускло воду золотитъ,

И въ рѣкѣ, среди глубокой
Предразсвѣтной, тишины
Замираетъ одинокій
Золотой двойникъ луны.

НА ДНѢПРѢ.

За мирнымъ Днѣпромъ, за горами
Заря догорала свѣтло,
И тепелъ былъ воздухъ вечерній,
И ясно рѣчное стекло.

Вечернее алое небо
Глядѣлось въ зеркальный затонъ,
И тихо подъ лодкой качался
Въ бездонной рѣкѣ небосклонъ...

Далекое, мирное счастье!
Не знаю, кого я любилъ,
Чей образъ, и нѣжный, и милый,
Такъ долго я въ сердцѣ хранилъ.

Но сердце груститъ и до нынѣ...
И помню тебя я, какъ сонъ,—
И близкой, и странно далекой,
Какъ въ свѣтлой рѣкѣ небосклонъ...

ПО ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРѢ.

Засинѣли, темнѣютъ равнины...
Далеко, далеко въ тишинѣ
Колокольчикъ поетъ, замирая...
Мнѣ грустнѣй и больнѣе вдвойнѣ.

Вотъ ужъ звукъ его плачетъ чуть слышно;
Вотъ и пыль надъ просторомъ нѣмымъ,
По широкой пустынной дорогѣ,
Опускаясь, темнѣетъ, какъ дымъ...

Но душа еще ждетъ и тоскуетъ...
О, зачѣмъ ты и ночью, и днемъ
Вспоминаешься мнѣ такъ призывно?
Отчего ты вездѣ и во всемъ?

Вслѣдъ зарѣ, уходящей къ закату,
Умирающимъ звукамъ вослѣдъ
Посылаю тебѣ мою душу,—
Мой печальный и нѣжный привѣтъ!

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ.
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ,
Голосъ грустной удалью звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была безмолвна и прохладна.

Что въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю. Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

И хотѣлось мнѣ простить тебѣ
Все, что въ сердцѣ я скрывалъ глубоко,
Покориться горестной судьбѣ
И уйти—навѣкъ и одиноко,

Выплакать страданія свои
И, скитаясь ночью въ темномъ полѣ,
Пѣть о прошломъ счастьѣ и о волѣ,
О своей загубленной любви!

Мѣсяцъ задумчивый, полночь глубокая...
Хуторъ въ степи одинокъ...
Дремлетъ въ молчаньѣ равнина широкая,
Тепелъ ночной вѣтерокъ.

Желтыя ржи, далеко озаренныя,
Моремъ безбрежнымъ стоятъ...
Вѣтеръ повѣетъ, — онѣ, полусонныя,
Колосомъ спѣлымъ шуршатъ.

Вѣтеръ повѣетъ, — и въ тучку скрывается
Полнаго мѣсяца кругъ;
Медленно въ мягкую тѣнь погружается
Ближнее поле и лугъ.

Зыблется пепельный сумракъ надъ нивами,
А надъ далекой межой
Свѣтъ изъ-за тучекъ бѣжитъ переливами, —
Яркою, желтой волной,

И сновидѣньемъ, волшебною сказкою
Кажется ночь, — и смущенъ
Ночи іюльской тревожною ласкою
Сладкій предутренній сонъ...

Могилы, вѣтряки, дороги и курганы —
Все смерклось, отошло и скрылося изъ глазъ.
За дальней ихъ чертой погасъ закатъ румяный,
Но точно ждетъ чего вечерній тихій часъ.

И вотъ идетъ она, Степная Ночь, съ востока...
За нею синій мракъ надъ нивами встаетъ...
На меркнущій закатъ, грустна и одинока,
Она задумчиво среди хлѣбовъ идетъ.

И медлитъ на межахъ, и слушаетъ молчанье...
Глядитъ во слѣдъ зари, гдѣ въ призрачной дали
Еще мерещутся колосьевъ очертанья
И слабо брезжитъ свѣтъ надъ сумракомъ земли.

И полонъ взоръ ея, загадочно-унылый,
Великой кротости и думы вѣковой
О томъ, что вѣдаютъ лишь темныя могилы,
Степь молчаливая, да звѣздъ узоръ живой.

Ночь наступила, день угасъ,
Сонъ и покой — и всей душою
Я покоряюсь въ этотъ часъ
Ночному кроткому покою.
Какъ облегченно дышитъ грудь!
Какъ нѣжно садъ благоухаетъ!
Какъ мирно свѣтитъ и сіяетъ
Въ далекомъ небѣ Млечный Путь!

Опять весна, опять со мною
Мой старый хуторъ, и кругомъ
Все вѣетъ ласкою степною
Въ краю, и тихомъ, и глухомъ.
Спятъ безмятежнымъ сномъ селенья,
Спитъ безмятежнымъ сномъ земля...
Миръ вамъ, родимыя поля!
Миръ вамъ, былыя треволненья!

За все, что пережито днемъ,
За все, что съ болью я скрываю
Глубоко на сердцѣ своемъ,—
Я никого не обвиняю.
За счастіе минутъ такихъ,
За свѣтлыя воспоминанья
Благословляю каждый мигъ
Былого счастья и страданья!

Ночь печальна, какъ мечты мои.
Далеко въ глухой степи широкой
Огонекъ мерцаетъ одинокій...
Въ сердцѣ много грусти и любви.

Но кому и какъ раскажешь ты,
Что зоветъ тебя, чѣмъ сердце полно?
— Путь далекъ, глухая степь безмолвна...
Ночь печальна, какъ мои мечты.

Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею,
Надъ кровлями безмолвнаго села.
Отчетливѣй кричатъ передъ зарею
Далеко на степи перепела.

Далеко на степи... Какъ сладко пахнетъ ржами
Тамъ въ этотъ ранній часъ! Какъ чутко ржи стоятъ
Склонясь надъ заповѣдными межами,
Онѣ степныя тайны сторожатъ.

Нѣтъ ни души кругомъ — ни звука, ни тревоги...
Спятъ безмятежнымъ сномъ зеленые овсы...
Нахохлясь, кобчикъ спитъ на кочкѣ у дороги,
Покрытый пылью матовой росы...

Но ужъ свѣтлѣетъ даль... Зелено-серебристый,
Неуловимый свѣтъ восходитъ надъ землей,
И бѣлый паръ луговъ, холодный и душистый,
Какъ ѳиміамъ, плыветъ предъ зарей.

Тихъ и чутокъ предразсвѣтный часъ,
Полны тайны утреннія зори!
На востокѣ, точно въ свѣтломъ морѣ,
Блескъ звѣзды играетъ, какъ алмазъ.

Высоко поднялся и бѣлѣетъ
Полумѣсяцъ въ блѣдныхъ небесахъ.
Сумракъ ночи прячется въ лѣсахъ,
Изъ долинъ зеленыхъ утромъ вѣетъ.

Вѣетъ юной радостью съ полей.
Льется, какъ серебряное пѣнье,
Звонъ костела, славя воскресенье...
Разгорайся, новый день, свѣтлѣй!

Выйди въ небо, солнце, безъ ненастья,
Возродися въ блескѣ и теплѣ,
Возвѣсти опять по всей землѣ,
Что вся жизнь — день радости и счастья!

НА ПРОСЕЛКѢ.

Вѣетъ утро прохладой степною...
Тишина, тишина на поляхъ!
Заросла павиликой-травою
Полевая дорога въ хлѣбахъ.

Въ муравѣ колеи утопаютъ,
А за ними, съ обѣихъ сторонъ,
Въ сизыхъ ржахъ васильки зацвѣтаютъ,
Бирюзовый виднѣется ленъ,

Серебрится ячмень колосистый,
Зеленѣютъ привольно овсы,
И въ колосьяхъ брильянты росы
Вѣтерокъ зажигаетъ душистый,

И вливаетъ отраду онъ въ грудь,
И свѣваетъ съ души онъ тревоги...
Веселъ мирный проселочный путь,
Хороши вы, степныя дороги!

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни,
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сіяетъ яркій зной,
Давно топоръ стучитъ въ сараѣ,
И голубей веселыхъ стаи
Сверкаютъ снѣжной бѣлизной.

Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,
И въ молодомъ березнякѣ
Грибами пахнетъ и листвою.
На солнцѣ свѣтлая рѣка
Трепещетъ радостно, смѣется,
И гулко въ рощѣ отдается
Надъ нею ладный стукъ валька.

А за деревнею, гдѣ межи
Въ поля привольныя бѣгутъ,
Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже,—
Ржи серебристыя цвѣтутъ,
Въ лазури жаворонки рѣютъ,
Поютъ про степь наперебой,
И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
Въ дали воздушно-голубой.

Отъ мертвой скучной лжи, отъ суетныхъ забавъ
Я одинокъ бѣжалъ въ поля мои родныя,
Я странникомъ вступилъ подъ сѣнь моихъ дубравъ
Подъ ихъ навѣсы вѣковые,

И, зноемъ истомленъ, я на пути стою
И пью лѣсныхъ вѣтровъ живительную влагу...
О, возврати, мой край, мнѣ молодость мою
И юныхъ блескъ очей, и юную отвагу!

Ты видишь — я красы твоей не позабылъ
И, сердцемъ чистъ, твой миръ благословляю...
Обѣтованному отеческому краю
Я приношу остатокъ гордыхъ силъ.

РОДНИКЪ.

Въ тайгѣ, въ глуши ея зеленой,
Всегда тѣснистой и сырой,
Въ крутомъ оврагѣ подъ горой
Бьетъ изъ камней родникъ студеный:

Кипитъ, играетъ и спѣшитъ,
Крутясь хрустальными клубами,
И подъ вѣтвистыми дубами
Стекломъ расплавленнымъ бѣжитъ.

А небеса и лѣсъ нагорный
Глядятъ, задумавшись въ тиши,
Какъ въ свѣтлой влагѣ голыши
Дрожатъ мозаикой узорной.

ИЗЪ А. АСНЫКА.

Безмолвно мы простилися съ тобою,
Сокрылъ я скорбь въ душевной глубинѣ,
И скорбь жива, но сердца нѣтъ со мною:
Оно съ тобой — въ далекой сторонѣ.

Ты тамъ теперь подъ кровлею родною
И соловьямъ внимаешь по веснѣ,
А я одинъ съ безмолвною тоскою,
Одинъ, въ глуши... И нѣтъ возврата мнѣ.

Моя любовь угаснетъ безъ отвѣта...
Но все жъ я радъ, что яснаго разсвѣта,
Что грезъ твоихъ не буду омрачать:

Улыбкой жизнь сіяетъ предъ тобою,
А я прощаюсь съ гаснущей зарею,
Иду во тьму — и не вернусь опять.

ПСАЛОМЪ ЖИЗНИ.

г. ЛОНГФЕЛЛО.

Не тверди въ строфахъ унылыхъ:
„Жизнь есть сонъ пустой“.—Въ комъ спитъ
Духъ живой, — тотъ духомъ умеръ...
Въ жизни высшій смыслъ сокрытъ.

Жизнь не грезы! Жизнь есть подвигъ!
И умретъ не духъ, а плоть.
„Прахъ еси — и въ прахъ вернешься“,
Не о духѣ рекъ Господь.

Не печаль и не блаженство
Жизни цѣль: она зоветъ
Насъ къ труду, въ которомъ бодро
Мы должны итти впередъ.

Путь далекъ, а время мчится...
Не теряй въ немъ ничего.
Помни, что біенье сердца—
Погребальный маршъ его.

На житейскомъ бранномъ полѣ,
На бивакѣ жизни будь
Не рабомъ, а будь героемъ,
Закалившимъ въ битвахъ грудь.

Не оплакивай Былого,
О Грядущемъ не мечтай,
Дѣйствуй только въ Настоящемъ
И ему лишь довѣряй.

Жизнь великихъ — призываетъ
Насъ къ великому итти,
Чтобъ въ пескахъ временъ остался
Слѣдъ и нашего пути,

Слѣдъ, что выведетъ, быть можетъ,
На дорогу и другихъ,—
Заблудившихся, усталыхъ,—
И пробудитъ бодрость въ нихъ.

Встань же смѣло на работу,
Отдавай всѣ силы ей
И учись въ трудѣ упорномъ
Ждать прихода лучшихъ дней!

УЧАНЪ-СУ.

Свѣжѣе вѣетъ воздухъ горный,
Невнятный шумъ идетъ въ лѣсу:
Поетъ веселый и проворный
Со скалъ летящій Учанъ-Су!
Глядишь — и точно застывая,
Но въ то же время ропотъ свой,
Свой легкій бѣгъ не прерывая,—
Прозрачной пылью снѣговой
Несется внизъ струя живая,—
Какъ тонкій флеръ, сквозитъ огнемъ,
Скользитъ со скалъ фатой вѣнчальной
И вдругъ и пѣной, и дождемъ
Свергаясь въ черный водоемъ,
Бушуетъ влагою хрустальной...
А горы въ синей вышинѣ!
А южный боръ и сосенъ шепотъ!
— Подъ этотъ шумъ и влажный ропотъ
Стоишь, какъ въ свѣтломъ полуснѣ!

КИПАРИСЫ.

Пустынная Яйла дымится облаками,
Въ туманный небосклонъ ушла морская даль,
Шумитъ внизу прибой, заливъ кипитъ волнами,
А здѣсь — глубокій сонъ и вѣчная печаль.

Пусть въ городѣ живыхъ, у синяго залива,
Гремитъ и блещетъ жизнь... Задумчивой толпой
Здѣсь кипарисы ждутъ—и строго, молчаливо
Восходитъ Смерть сюда съ добычей роковой.

Жизнь не смущаетъ ихъ,—минутная, дневная...
Лишь только колоколъ вечерній съ береговъ
Перекликается, звеня и занывая,
Съ могильной стражею бѣлѣющихъ крестовъ...

ИЗЪ Л. де-ЛИЛЯ.

Солнца дискъ золотой, уходя изъ лазурной пустыни,
Погружается медленно въ тихое лоно зыбей
И прощаясь съ землей сыплетъ розовымъ блескомъ лучей,
Въ гребняхъ горъ золотитъ, зажигаетъ сверкающій иней.

Грустно вѣтеръ вздыхаетъ и вѣетъ съ далекихъ высотъ,
Стелетъ длинныя тѣни въ оврагахъ и влажныхъ долинахъ,
Тамаринды колышетъ, и въ темныхъ, угрюмыхъ вершинахъ,
Гдѣ гнѣздилися птицы, и сонъ, и покой настаетъ.

И дыханье земли, какъ священныхъ кадильницъ дыханье,
Средь кофейныхъ деревьевъ и въ чащѣ густыхъ тростниковъ
Разливаясь, сливается съ свѣжимъ дыханьемъ лѣсовъ,
Съ ароматомъ плантацій въ глубокомъ вечернемъ молчаньи...

Вотъ звѣзда задрожала жемчужной своей бѣлизной,
Въ синемъ мракѣ ночномъ, какъ живая, горитъ величаво—
И пылаютъ въ волнахъ, ослѣпленныхъ небесною славой,
Миріады свѣтилъ, миріады огней надъ землей!

И душа, забываясь въ молчаніи ночи всесильной,
Созерцая и міръ, и величье ея красоты,
Познавая тщету и надежды, и пылкой мечты,
Въ вѣчный сонъ погружается,—въ саванъ могильный.

ЗНОЙ.

А. М. ѲЕДОРОВУ.

Горячо сухой песокъ сверкаетъ,
Сушитъ зной на камняхъ невода.
Въ морѣ — штиль, и ласково плескаетъ
На песокъ хрустальная вода.

Чайка въ свѣтломъ воздухѣ блеснула...
Тѣнь ея спустилась надо мной—
И въ сіяньи солнца потонула...
Клонитъ въ сонъ и ослѣпляетъ зной...

И лежу я, упоенный зноемъ.
Снится садъ мнѣ и прохладный гротъ;
Кипарисы неподвижнымъ строемъ
Стерегутъ тамъ звонкій водометъ.

Старый мраморъ подъ вѣтвями тиссовъ
Молодыми розами увитъ,
И горитъ заливъ межъ кипарисовъ,
Точно синимъ пламенемъ налитъ.

А кругомъ — истома сладострастья...
И подъ шумъ фонтановъ запахъ розъ
Мучитъ душу красотою счастья,
Красотою сонно-знойныхъ грезъ.

ЗАКАТЪ.

Корабли въ багряномъ заревѣ заката
Въ океанъ выходятъ — и на небесахъ
Вырастаютъ мачты стройнаго фрегата
Въ черныхъ парусахъ.

Медленно плыветъ онъ въ заревѣ далекомъ
И другой выводитъ въ лоно темныхъ водъ...
Скажешь: это снялся въ траурѣ глубокомъ
Погребальный флотъ.

Такъ небо низко и уныло,
Такъ сумрачно вдали,
Какъ будто время здѣсь застыло,
Какъ будто край земли.

Густое чахлое полѣсье
Стоитъ среди болотъ,
А тамъ — угрюмо въ поднебесье
Уходитъ сумракъ водъ.

Ужъ ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнетъ свѣтъ.
Нѣмая тишь въ глуши сосновой,
Ни звука въ морѣ нѣтъ.

И звѣзды тускло, недвижимо
Горятъ надъ головой,
Какъ будто ихъ зажегъ незримо
Самъ ангелъ гробовой.

И сонъ на мертвый край изгнанья
Идетъ, и нѣмъ, и тихъ...
О, темный бредъ Воспоминанья!
О, грустно-странный стихъ!

Зову тебя: скажи счастливымъ,
Что гдѣ-то скорбь царитъ,
Скажи всѣмъ праднымъ, суетливымъ,
Что гдѣ-то все молчитъ! —

Затѣмъ, что всѣ они повинны
За горечь нашихъ бѣдъ:
За сны, утраты и кручины
И темныхъ пѣсенъ бредъ!

СУМЕРКИ.

Все — точно въ полуснѣ. Надъ сѣрою водой
Сползаетъ съ горъ туманъ, холодный и густой,
Подъ нимъ гудитъ прибой, зловѣще разрастаясь,
А темныхъ голыхъ скалъ прибрежная стѣна,
Въ дымящійся туманъ погружена,
Лѣниво курится, во мглѣ небесъ теряясь.

Суровъ и дикъ ея могучій видъ!
Подъ шумъ и гулъ морской, она въ дыму стоитъ,
Какъ неугасшій жертвенникъ титановъ,
И Ночь, спускаясь съ горъ, вступаетъ точно въ храмъ,
Гдѣ мрачный хоръ поетъ въ сѣдыхъ клубахъ тумановъ
Торжественный хоралъ невѣдомымъ богамъ.

Зеленоватый свѣтъ пустынной лунной ночи,
Далеко подъ горой — морской пустынный блескъ...
Я слышу на горахъ осенній вѣтеръ въ соснахъ
И подъ обрывомъ скалъ — невнятный шумъ и плескъ.

Порою блескъ воды, какъ мѣдный щитъ, свѣтлѣетъ,
Порой тускнѣетъ онъ и зыбью взоръ томитъ...
Какъ въ полуснѣ сижу... Осенній вѣтеръ вѣетъ
Соленой свѣжестью — и все кругомъ шумитъ.

И въ шорохѣ глухомъ и гулѣ горныхъ сосенъ
Я чувствую тоску ихъ безнадежныхъ думъ,
А въ шумномъ плескѣ волнъ — лишь холодъ лунной ночи
Да мертвый плескъ и шумъ.

Отчего ты печально, вечернее небо?
Оттого ли, что жаль мнѣ земли,
Что пустынно синѣетъ безбрежное море
И скрывается солнце вдали?

Отчего ты прекрасно, вечернее небо?
Оттого ль, что далеко земля,
Что съ прощальною грустью закатъ угасаетъ
На косыхъ парусахъ корабля,

И шумятъ тихимъ шумомъ вечернія волны
И баюкаютъ пѣсней своей
Одинокое сердце и грустныя думы
Въ безпредѣльномъ просторѣ морей?

На мертвый якорь кинули баканъ,
И вотъ, среди кипящаго залива,
Онъ прыгаетъ и мечется тоскливо,
И звонъ его несется сквозь туманъ.

Сливаясь въ долгій и молящій стонъ,
Подъ шумъ морской и вѣтра завыванье,
Звучитъ онъ, какъ далекое рыданье, —
Призывный вопль и матерей и женъ.

Но бурный мракъ сгущается въ дали,
Подходитъ ночь, — и по волнамъ тяжелымъ
Ныряютъ и качаются за моломъ
Лишь старые, пустые корабли.

И мачты ихъ средь темной высоты
Чертятъ туманъ все шире и быстрѣе,
И плаваютъ среди тумана реи,
Какъ черные могильные кресты.

Къ прибрежью моря грустная аллея
Ведетъ вдали какъ будто въ небосклонъ:
Тамъ море подымается, синѣя
Межъ позабытыхъ мраморныхъ колоннъ.

Тамъ на прибой идутъ ступени стройно
И львы лежатъ, какъ сфинксы, надъ горой;
Далеко въ море важно и спокойно
Они глядятъ вечернею порой.

А на скамьѣ межъ ними одиноко
Сидитъ она... Нѣтъ имени для ней,
Но знаю я, что нѣжно и глубоко
Она съ душой сроднилася моей.

Быть можетъ, сонъ создалъ мои картины.
Но пусть! Мой сонъ — печаль моей любви;
Вселилъ ее я въ тихія руины
И мнѣ отрадны вымыслы мои.

Я ль не любилъ? Я ль не искалъ мятежно
Любви и счастья юность раздѣлить
Съ душою женской свѣтлою и нѣжной
И жизнь мою въ другую перелить?

Но та любовь, что душу посѣщала,
Оставила въ душѣ печальный слѣдъ,—
Она звала, она меня прельщала
Той радостью, которой въ мірѣ нѣтъ.

И отъ нея я взялъ воспоминанья
Лишь лучшихъ дней, и ужъ не ту люблю,
Кого любилъ... Люблю мечты созданья
И снова о несбыточномъ скорблю.

Вечерняя безмолвная аллея
Зоветъ меня къ скалистымъ берегамъ,
Гдѣ море подымается, синѣя,
Къ пустыннымъ и далекимъ небесамъ.

И горько я и сладостно тоскую,
И грезится мнѣ свѣтлая мечта,
Что воскресить мнѣ радость неземную
Печальная земная красота.

Дологъ былъ во мракѣ ночи
Нашъ невѣрный трудный путь!
Напрягались тщетно очи
Разглядѣть хоть что-нибудь...
Только гнулась и скрипѣла
Тяжко мачта, да шумѣло
Море черное, и челнъ
Уносило и качало,
И съ разбѣгу осыпало
Ледяною пылью волнъ...

Но рѣдѣетъ мракъ холодный;
Отдѣлились небеса
Отъ сѣдой пучины водной
И сѣрѣютъ паруса;
Надъ свалившеюся тучей,
Какъ надъ черной горной кручей,

Звѣзды блещутъ серебромъ;
Надъ кормой огонь сигнальный
Искрой блѣдной и печальной
Догораетъ... А кругомъ,—

Изъ морской дали туманной,—
Блѣднымъ сумракомъ одѣтъ,
Ужъ сквозитъ разсвѣтъ багряный,
Дышитъ холодомъ разсвѣтъ!
Дышитъ вѣтеръ жизнью новой,
Убѣгаетъ мракъ суровый,
День все ближе — и гляди:
Вмѣстѣ съ солнцемъ восходящимъ
Пѣна золотомъ кипящимъ
Загорѣлась впереди!

И все ярче межъ волнами,
Въ брызгахъ огненно-живыхъ,
Въ переливахъ голубыхъ,
Золотое блещетъ пламя,
И все ярче надъ волной
Непорочной красотой
Бирюза небесъ сіяетъ;
И, качая быстрый челнъ,
Свѣтлой влагой, пылью волнъ
Море весело кидаетъ!

СѢВЕРНОЕ МОРЕ.

Холодный вѣтеръ, рѣзкій и упорный,
Кидаетъ насъ, и тяжело грести;
Но не могу я взоровъ отвести
Отъ бурныхъ волнъ, отъ ихъ пучины черной.

Онѣ кипятъ, бушуютъ и гудятъ,
Въ ухабахъ ихъ, межъ зыбкими горами,
Качаютъ чайки острыми крылами
И съ воплями надъ бездною скользятъ.

И вѣтеръ вторитъ дикимъ завываньемъ
Ихъ жалобнымъ, но радостнымъ стенаньямъ,
Потяжелѣе выбираетъ валъ,

Напрягши грудь, на немъ взметаетъ пѣну
И бьетъ его о каменную стѣну
Прибрежныхъ мрачныхъ скалъ.

Поздній часъ. Корабль и тихъ, и теменъ,
Слабо плещутъ волны за кормой.
Звѣздный свѣтъ да океанъ зеркальный—
Царство этой ночи неземной.

Въ царствѣ безграничнаго молчанья,—
Въ тишинѣ глубокой,— сторожатъ
Часъ полночный звѣзды надъ морями
И въ моряхъ таинственно дрожатъ.

Южный Крестъ, загадочный и кроткій,
Въ душу льетъ свой нѣжный свѣтъ ночной —
И душа исполнена предвѣчной
Красоты и правды неземной.

Если бъ только можно было
Одного себя любить,
Если бъ прошлое забыть,—
Все, что ты уже забыла,

Не смущалъ бы, не страшилъ
Вѣчный сумракъ вѣчной ночи.
Утомившіяся очи
Я бы съ радостью закрылъ!

ПЛЕЯДЫ.

Стемнѣло. Вдоль аллей, надъ сонными прудами,
Бреду я наугадъ.
Осенней свѣжестью, листвою и плодами
Благоухаетъ садъ.

Давно онъ порѣдѣлъ,— и звѣздное сіянье
Бѣлѣетъ межъ вѣтвей.
Иду я медленно,— и мертвое молчанье
Царитъ во тьмѣ аллей.

Вотъ пѣсня донеслась печально издалёка...
Вотъ гдѣ-то возъ скрипитъ...
И снова тишина... Спокойно и глубоко
Пустынный хуторъ спитъ.

И звонокъ каждый шагъ среди ночной прохлады,
И царственнымъ гербомъ
Горятъ холодныя алмазныя Плеяды
Въ безмолвіи ночномъ.

За днями сѣрыми и темными ночами
Настала свѣтлая прощальная пора.
Спокойно дремлетъ день надъ тихими полями
И вѣютъ прелестью раздумья вечера.

Глубоко степь молчитъ — ни звука, ни движенья...
Въ прозрачномъ воздухѣ далеко тонетъ взоръ...
На солнцѣ желтый лѣсъ сверкаетъ въ отдаленьи,
Какъ яркимъ золотомъ пылающій костеръ.

Въ саду листки березъ, безъ шороха срываясь,
Средь тонкихъ паутинъ, какъ бабочки, блестятъ
И, слабо по вѣтвямъ цѣпляясь и качаясь,
На блеклую траву безпомощно летятъ.

Плывутъ узоры тучъ прозрачною фатою
Въ пустынныхъ небесахъ высоко надъ землей,
И все кругомъ свѣтло, все вѣетъ тишиною,
Въ природѣ и въ душѣ — молчанье и покой.

И вотъ опять ужъ по зарямъ
Въ выси, пустынной и привольной,
Станицы птицъ летятъ къ морямъ,
Чернѣя цѣпью треугольной.

Ясна заря, безмолвна степь,
Закатъ алѣетъ, разгораясь...
И тихо въ небѣ эта цѣпь
Плыветъ, размѣренно качаясь.

Какая даль и вышина!
Глядишь — и бездной голубою
Небесъ осеннихъ глубина
Какъ будто таетъ надъ тобою.

И обнимаетъ эта даль, —
Душа отдаться ей готова,
И новыхъ, свѣтлыхъ думъ печаль
Освобождаетъ отъ земного.

И новыхъ чувствъ томящій сонъ
Влечетъ въ просторъ полей холодныхъ,
Въ родной, далекій небосклонъ,
За караваномъ птицъ свободныхъ...

О, сердце! Слышишь ли ихъ крикъ?
Куда онъ звалъ? Зачѣмъ глубокой
Тоскою въ душу мнѣ проникъ
И потонулъ въ степи широкой?

Отвѣта нѣтъ... Заря ясна,
Свѣтло и ярко западъ рдѣетъ,
Пустынна неба глубина,
И тихо воздухъ холодѣетъ...

Листья падаютъ въ саду...
Въ этотъ старый садъ, бывало,
Раннимъ утромъ я уйду
И блуждаю, гдѣ попало.
Листья кружатся, шуршатъ,
Вѣтеръ съ шумомъ налетаетъ —
И гудитъ, волнуясь, садъ
И угрюмо замираетъ.
Но въ душѣ — все веселѣй!
Я люблю, я гордъ и молодъ:
Что мнѣ этотъ шумъ аллей
И осенній мракъ и холодъ?
Вѣтеръ вдаль меня влечетъ,
Звонко пѣснь мою разноситъ,
Сердце страстно жизни ждетъ,
Счастья проситъ!

Листья падаютъ въ саду,
Пара кружится за парой...
Одиноко я бреду
По листвѣ въ аллеѣ старой.
Въ сердцѣ — новая любовь,
И мнѣ хочется отвѣтить
Сердцу пѣснями — и вновь
Беззаботно счастье встрѣтить.
Отчего жъ душа болитъ?
Кто груститъ, меня жалѣя?
Вѣтеръ стонетъ и пылитъ
По березовой аллеѣ,
Сердце слезы мнѣ тѣснятъ,
И, кружась въ саду угрюмомъ,
Листья желтые летятъ
Съ грустнымъ шумомъ!

...И снилося мнѣ, что осенней порой
Въ холодную ночь я вернулся домой.
По темной дорогѣ прошелъ я одинъ
Къ знакомой усадьбѣ, къ родному селу...
Трещали обмерзшіе сучья лозинъ
Отъ бурнаго вѣтра на старомъ валу...
Деревня спала... И со страхомъ, какъ воръ,
Вошелъ я въ пустынный, покинутый дворъ.

И сжалося сердце отъ боли во мнѣ,
Когда я кругомъ поглядѣлъ при огнѣ!
Нависъ потолокъ, обвалились углы,
Повсюду скрипятъ подъ ногами полы
И пахнетъ печами... Заброшенъ, забытъ,
Навѣки забытъ онъ, родимый нашъ домъ!
Зачѣмъ же я здѣсь? Что̀ осталося въ немъ,
И если осталось — о чемъ говоритъ?

И снилося мнѣ, что всю ночь я ходилъ,
По саду, гдѣ вѣтеръ кружился и выл,
Искалъ я отцомъ посаженную ель,
Тѣхъ комнатъ искалъ, гдѣ сбиралась семья,
Гдѣ мама качала мою колыбель
И съ нѣжною грустью ласкала меня,—
Съ безумной тоскою кого-то я звалъ,
И садъ обнаженный гудѣлъ и стоналъ...

НА ХУТОРѢ.

Свѣчи нагорѣли, дологъ зимній вечеръ...
Сѣлъ ты на лежанку, поднялъ тихій взглядъ—
И звучитъ гитара удалью печальной
Пѣснѣ беззаботной, старой пѣснѣ въ ладъ.

«Гдѣ ты закатилось, счастье золотое?
«Кто тебя развѣялъ по чистымъ полямъ?
«Не взойти надъ степью солнышку съ заката,
«Нѣтъ пути-дороги къ невозвратнымъ днямъ!»

Свѣчи нагорѣли, дологъ зимній вечеръ...
Брови ты приподнялъ, грустенъ тихій взглядъ...
Не судья тебѣ я за грѣхи былого!
Не воротишь жизни прожитой назадъ!

Какъ печально, какъ скоро померкла
На закатѣ заря! Погляди:
Ужъ за ближней межою по жнивью
Ничего не видать впереди.

Далеко по широкой равнинѣ
Сумракъ ночи осенней разлитъ;
Лишь на западѣ сумрачно-аломъ
Силуэты чуть видны ракитъ.

И ни звука! И сердце томится,
Непонятною грустью полно...
Оттого-ль, что ночлегъ мой далеко,
Оттого-ли, что въ полѣ темно?

Оттого-ли, что близкая осень
Вѣетъ чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ—
Молчаливою грустью деревни
И безлюдьемъ степнымъ?

АСТРЫ.

А. АСНЫКА.

Все поблекло... Только астры
Серебристыя остались, —
Подъ холоднымъ, синимъ небомъ
Замечтались...

Грустно я встрѣчаю осень...
Ахъ, не такъ, какъ въ дни былые!
Также вянутъ, блекнутъ листья
Золотые,

Также мѣсячныя ночи
Вѣютъ кроткой тишиною,
И шумитъ въ аллеяхъ вѣтеръ
Надо мною...

Но ужъ нѣтъ въ душѣ печальной
Тѣхъ восторговъ, тѣхъ волненій,
Что, какъ солнце, озаряли
День осенній.

Въ гимнѣ ночи звуки счастья
Трепетали надъ землею,
Образъ чистый и прекрасный
Былъ со мною...

Помню милый, блѣдный обликъ,
Локонъ нѣжный и волнистый,
Въ черныхъ косахъ — вѣнчикъ астры
Серебристый...

Помню очи... Вижу снова
Эти ласковыя очи...
Все воскресло въ лунномъ блескѣ, —
Въ блескѣ ночи!

Таинственно шумитъ лѣсная тишина,
Незримо по лѣсамъ поетъ и бродитъ Осень...
Темнѣетъ день за днемъ,— и вотъ опять слышна
Тоскующая пѣснь подъ звонъ угрюмыхъ сосенъ.

„Пусть по вѣтру летитъ и кружится листва,
Пусть замететъ она печальный слѣдъ былого!
Надежда, грусть, любовь — вы, старыя слова,
Какъ блеклая листва, не расцвѣтете снова!“

Угрюмо боръ гудитъ, несутся листья въ даль...
Но въ шумномъ ропотѣ и пѣснѣ безнадежной
Я слышу жалобу: въ ней тихая печаль,
Укоръ былой веснѣ,— и ласковый, и нѣжный.

И далеко еще безмолвная зима...
Душа готова вновь волненьямъ предаваться,
И сладко ей грустить и грустью упиваться,
Не внемля голосу угрюмаго ума.

ОКТЯБРЬСКІЙ РАЗСВѢТЪ.

Ночь поблѣднѣла и мѣсяцъ садится
За рѣку краснымъ серпомъ.
Сонный туманъ на лугахъ серебрится,
Черный камышъ отсырѣлъ и дымится,
Вѣтеръ шуршитъ камышомъ.

Тишь на деревнѣ. Въ часовнѣ лампада
Меркнетъ, устало горя.
Въ трепетный сумракъ озябшаго сада
Льется со степи волнами прохлада...
Медленно рдѣетъ заря.

Открыты жнивья золотыя,
И свѣтлой кажутся мечтой
Просторъ небесъ, поля пустыя
И день, прохладный и пустой.

Орелъ, съ дозорнаго кургана
Взмахнувшій въ этой пустотѣ,
Какъ надъ равниной океана
Весь четко виденъ въ высотѣ.

И на курганѣ одинокомъ
Сдержавъ горячаго коня,
Степь отъ заката до востока
Въ прозрачной дали вижу я.

Какъ низко, вольно и просторно
Степныхъ атавъ раскинутъ кругъ!
И какъ легко фатой узорной
Плывутъ два облачка на югъ!

Глубокъ земли покой безстрастный,
Пустая даль свѣтла, какъ сонъ,
А надъ всѣмъ — стеклянно-ясный,
Зеленоватый небосклонъ.

Нагая степь пустыней вѣетъ...
Ужъ палъ зазимокъ на поля
И въ черныхъ пашняхъ снѣгъ бѣлѣетъ,
Какъ будто въ траурѣ земля.

Глубокимъ сномъ среди лощины
Деревня спитъ... Ноябрь идетъ,
Прудъ застываетъ, и съ плотины
Листва поблекшая лозины
Уныло сыплется на ледъ.

Вотъ день... Но скупо надъ землею
Сіяетъ солнце; поглядитъ
Изъ-за бугра оно зарею
Сквозь сучья черные ракитъ,

Пригрѣетъ кроткими лучами—
И вновь потонетъ въ облакахъ...
А вѣтеръ жидкими тѣнями
Въ саду играетъ подъ вѣтвями,
Сухой травой шуршитъ въ кустахъ...

Но милъ ты мнѣ, мой хуторъ бѣдный.
Мой невеселый край родной,
Твоею глушью заповѣдной,
Твоею грустной красотой!

Какъ съ другомъ юности далекой,
Съ тобою будетъ легче мнѣ
И сумракъ осени глубокой,
И холодъ ночи одинокой
Въ угрюмой зимней тишинѣ.

Высокó полный мѣсяцъ стоитъ
Въ небесахъ надъ туманной землей,
Блѣднымъ свѣтомъ луга серебритъ,
Напоенные бѣлою мглой.

Въ бѣлой мглѣ, на безмолвныхъ лугахъ,
На пустынныхъ рѣчныхъ берегахъ
Только черный засохшій камышъ
Да верхушки ракитъ различишь.

И рѣка въ берегахъ чуть видна...
Гдѣ-то мельница глухо шумитъ...
Спитъ село... Ночь тиха и блѣдна,
Высокó полный мѣсяцъ стоитъ.

Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ поднимается,
Шумно по чащамъ идетъ,
Мертвые листья срываетъ и весело
Въ бѣшеной пляскѣ несетъ.

Только замретъ, припадетъ и послушаетъ,—
Снова взмахнетъ, а за нимъ
Лѣсъ загудитъ, затрепещетъ,—и сыплются
Листья дождемъ золотымъ.

Вѣетъ зимою, морозными вьюгами,
Тучи плывутъ въ небесахъ...
Пусть-же погибнетъ все мертвое, слабое
И возвратится во прахъ!

Зимнія вьюги — предтечи весенніе,
Зимнія вьюги должны
Похоронить подъ снѣгами холодными
Мертвыхъ къ приходу весны.

Въ темную осень земля укрывается
Желтой листвой, а подъ ней
Дремлетъ побѣговъ и травъ прозябаніе,
Сокъ животворныхъ корней.

Жизнь зарождается въ мракѣ таинственномъ...
Радость и гибель ея
Служатъ нетлѣнному и неизмѣнному —
Вѣчной красѣ Бытія!

ВЪ СТЕПИ.

Н. Д. ТЕЛЕШОВУ.

Вчера въ степи я слышалъ отдаленный
Крикъ журавлей. И дико, и легко
Онъ прозвенѣлъ надъ тихими полями
Веселою и гордою свободой...
Путь добрый! Имъ не жаль насъ покидать:
И новая цвѣтущая природа,
И новая весна ихъ ожидаетъ
За синими, за теплыми морями,
А къ намъ идетъ угрюмая зима:
Засохла степь, лѣсъ глохнетъ и желтѣетъ,
Осенній вѣтеръ, тучи нагоняя,
Открылъ въ кустахъ звѣриные лазы,
Листвой засыпалъ долы и овраги,
И по ночамъ въ ихъ черной темнотѣ,
Подъ шумъ деревьевъ, свѣчками мерцаютъ,
Таинственно блуждая, волчьи очи...

Да, край родной не радуетъ теперь!
И все-таки, кочующія птицы,
Не пробуждаетъ зависти во мнѣ
Вашъ звонкій крикъ, и гордый, и свободный.
Въ былые дни и я былъ вольной птицей,
И мнѣ, какъ вамъ, былъ тѣсенъ край родной,
И вѣчная весна меня манила...
Я счастливъ былъ... Зачѣмъ же это счастье
Прошло такъ скоро? Отчего мнѣ жаль
Васъ, гордыя, кочующія птицы?

Здѣсь грустно. Ждемъ мы сумрачной поры,
Когда въ степи сѣдой туманъ ночуетъ,
Когда во мглѣ разсвѣтъ едва бѣлѣетъ
И лишь бугры чернѣютъ сквозь туманъ.
Но я люблю, кочующія птицы,
Родныя степи. Бѣдныя селенья —
Моя отчизна; я вернулся къ ней,
Усталый отъ скитаній одинокихъ,
И понялъ красоту въ ея печали
И счастіе — въ печальной красотѣ...

Бываютъ дни: повѣетъ теплымъ вѣтромъ,
Проглянетъ солнце, ярко озаряя
И лѣсъ, и степь, и старую усадьбу,

Пригрѣетъ листья влажные въ лѣсу,
Глядишь — и все опять повеселѣло!
Какъ хорошо, кочующія птицы,
Тогда у насъ! Какъ весело и грустно
Въ пустомъ лѣсу межъ черными вѣтвями,
Межъ золотыми листьями березъ
Синѣетъ наше ласковое небо!

Я въ эти дни люблю бродить, вдыхая
Осинниковъ поблекшихъ ароматъ
И слушая дроздовъ веселыхъ крики;
Люблю уйти одинъ на дальній хуторъ,
Смотрѣть, какъ озимь мягко зеленѣетъ,
Какъ бархатомъ блестятъ на солнцѣ пашни,
А вдалекѣ, на жнивьяхъ золотыхъ,
Стоитъ туманъ, прозрачный и лазурный.

Моя весна тогда зоветъ меня, —
Мечты любви и юности далекой,
Когда я васъ, кочующія птицы,
Съ такою грустью къ югу провожалъ!
Мнѣ вспоминается былое счастье,
Былые дни... Но мнѣ не жаль былого:
Я не грущу, какъ прежде, о быломъ,—
Оно живетъ въ моемъ безмолвномъ сердцѣ,

А міръ вездѣ исполненъ красоты.
Мнѣ въ немъ теперь все дорого и близко:
И блескъ весны за синими морями,
И сѣверныя скудныя поля,
И даже то, что ужъ совсѣмъ не можетъ
Васъ утѣшать, кочующія птицы,—
Покорность грустной участи своей!

Въ пустынной вышинѣ,
Въ открытомъ океанѣ небосклона
Востокъ сіяетъ ясной бирюзой.
Въ степной дали
Погасло солнце холодно и чисто,
Свѣжъ, звонокъ воздухъ надъ землей,
И тишина царитъ,—
Молчаніе осенняго заката
И обнаженныхъ, черныхъ тополей...
Какъ хороши пустынныя аллеи!

Иду на югъ,
Смотрю туда, гдѣ я любилъ когда-то,
Гдѣ грусть моя далекая живетъ...
А тамъ встаютъ,
Тамъ медленно плывутъ и утопаютъ
Въ глубокомъ океанѣ небосклона,

Какъ снѣговыя горы, облака...
Какъ холодны и чисты изваянья
Ихъ дѣвственныхъ алѣющихъ вершинъ!
Какъ хороши безлюдныя равнины!

Багряная листва,
Покрытая морозною росою,
Шуршитъ въ аллеѣ подъ моей ногой...
Вотъ меркнетъ даль,
Темнѣетъ садъ, краснѣе западъ рдѣетъ,
Въ холодной и безмолвной красотѣ
Все застываетъ, медленно мертвѣя,
И вѣетъ холодъ ночи на меня,
И я стою, безмолвіемъ объятый...
Какъ хороша, какъ одинока жизнь!

Помню — долгій, зимній вечеръ,
Полумракъ и тишина;
Тускло льется свѣтъ лампады,
Буря плачетъ у окна.

Я лежу въ своей кроваткѣ,
Истомленный и больной;
Мать съ безмолвной, тайной грустью
Наклонилась надо мной.

„Дорогой мой, — шепчетъ тихо, —
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрымъ и веселымъ
Завтра утромъ быть опять,—

„Позабудь, что воетъ вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихій шопотъ лѣса
И полдневный лѣтній зной;

„Вспомни, какъ шумятъ березы,
А за лѣсомъ, у межи,
Ходятъ медленно и плавно
Золотыя волны ржи!“

И знакомому совѣту
Я довѣрчиво внималъ
И, обвѣянный мечтами,
Забываться начиналъ.

Вмѣстѣ съ тихимъ сномъ сливалось
Убаюкиванье грезъ —
Шопотъ зрѣющихъ колосьевъ
И невнятный шумъ березъ...

МЕТЕЛЬ.

Ночью въ поляхъ, подъ напѣвы метели,
Дремлютъ, качаясь, березки и ели...
Мѣсяцъ межъ тучекъ надъ полемъ сіяетъ,—
Блѣдная тѣнь набѣгаетъ и таетъ...
Мнится мнѣ ночью: межъ бѣлыхъ березъ
Бродитъ въ туманномъ сіяньи Морозъ.

Ночью въ избѣ, подъ напѣвы метели,
Тихо разносится скрипъ колыбели...
Мѣсяца свѣтъ въ темнотѣ серебрится,—
Въ мерзлыя стекла по лавкамъ струится...
Мнится мнѣ ночью: межъ сучьевъ березъ
Смотритъ въ безмолвныя избы Морозъ.

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя заметаетъ ночная,
Спятъ твои села подъ пѣсни метели,
Дремлютъ въ снѣгу одинокія ели...
Мнится мнѣ ночью: не степи кругомъ,—
Бродитъ Морозъ на погостѣ глухомъ...

Скачетъ пристяжная, снѣгомъ обдаетъ...
Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Въ полуснѣ волнуясь, по-полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожитъ.

Эй, проснися, вѣтеръ! Подыми пургу,
Задымись метелью бѣлою въ лугу,
Загуди поземкой, закружись въ степи,
Крикни вмѣсто пѣсни: „Постыдись, не спи!“

Безотраденъ путь мой! Каждый Божій день —
Глушь лѣсовъ да холодъ-голодъ деревень...
Стыдно мнѣ и больно... Только стыдъ-то мой
Слишкомъ скоро гаснетъ въ тишинѣ нѣмой!

Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Усыпляетъ пѣсней, воли не даетъ,
Путь заноситъ снѣгомъ, по-полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожитъ...

ВЪ КОСТЕЛѢ.

Гаснетъ день — и звонъ тяжелый
Въ небеса плыветъ:
Съ башни стараго костела
Колоколъ зоветъ.

А въ костелѣ — ожиданье:
Сумракъ, гулъ дверей,
Напряженное молчанье,
Тихій трескъ свѣчей.

Въ блескѣ ихъ престолъ чернѣетъ,
Озаренъ темно;
Высоко надъ нимъ желтѣетъ
Узкое окно,

А вокругъ, до сводовъ крыши,
Холодъ черныхъ плитъ,
Холодъ ночи въ каждой нишѣ
Сумрачно разлитъ.

И надъ всѣмъ—Христа Распятье:
Въ діадемѣ розъ,
Скорбно братскія объятья
Распростеръ Христосъ...

Тишина. И вотъ, незримо
Унося съ земли,
Звонко пѣсня серафима
Разлилась вдали.

Разлилась—и отзвучала:
Заглушилъ, покрылъ
Громъ органнаго хорала
Пѣснь Небесныхъ Силъ,

И рыдаетъ, и изъ храма
Рвется къ небесамъ,
Въ зыбкихъ волнахъ ѳиміама
Потрясая храмъ.

Вторитъ хоръ ему... Но, Боже!
Отчего и въ немъ
Та же скорбь и горе то же,—
Мука о земномъ?

Этотъ скорбный, надмогильный,
Роковой хоралъ
Ты ли, Свѣтлый и Всесильный,
Людямъ завѣщалъ?

Не въ тьмѣ-ль вѣковъ остался
День, когда съ тоской
Человѣкъ, какъ рабъ, склонялся
Ницъ передъ тобой,

И сіялъ зловѣщей славой
Предъ лицомъ людей
Въ блескѣ молніи кровавой
Блескъ Твоихъ Очей?

Самъ пришелъ Ты въ міръ печали,
И слова Твои
Къ счастью, къ жизни призывали,
Къ свѣту и любви.

Для чего жъ звучитъ во храмѣ
Снова скорбный стонъ,
Снова дымными огнями
Ликъ Твой озаренъ?

И Тебѣ ли мгла куренья,
Холодъ темноты,
Запахъ воска, запахъ тлѣнья,
Мертвые цвѣты?

Дивенъ міръ Твой! Расцвѣтаетъ
Онъ, Тобой согрѣтъ,
Въ небесахъ Твоихъ сіяетъ
Солнца вѣчный свѣтъ,

Гимнъ природы животворный
Льется къ небесамъ...
Въ ней Твой храмъ нерукотворный,
Твой великій храмъ!

МАТЬ.

И дни, и ночи до утра
Въ степи метели бушевали
И вѣшки снѣгомъ заметали,
И заносили хутора.
А домъ стоялъ въ открытомъ полѣ
Печальнымъ сторожемъ степнымъ,
И вѣтеръ бѣшеный надъ нимъ
Какъ будто тѣшился на волѣ.
Онъ крышу снесъ, врывался въ домъ —
И стекла въ рамахъ дребезжали,
И снѣгъ сухой въ старинной залѣ
Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь... Не угасая,
Въ пристройкѣ робко онъ свѣтилъ,
И кто-то тамъ всю ночь ходилъ,
Глазъ до разсвѣта не смыкая.

То мать была. Забывши страхъ,
Она одна насъ не кидала;
Съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ,
Она одна душой страдала.
Она мерцавшую свѣчу
Старинной книгой заслонила,
И, положивъ его къ плечу,
Все напѣвала и ходила...

И ночь тянулась безъ конца...
Порой, дремотой обвѣвая,
Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда жъ буранъ въ порывѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налеталъ, —
Казалось ей, что домъ дрожалъ,
Что кто-то слабымъ, дальнимъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ.
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блестѣлъ,
А мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими темными глазами...

Далеко хуторъ мой родной,
Давно прошли тѣ дни и ночи,

Когда я видѣлъ предъ собой
Ея заплаканныя очи.
Но не забыть ихъ никогда!
Во тьмѣ житейскаго ненастья,
Въ часы раздумья и труда
Я вспоминаю ихъ, какъ счастье,—
Какъ радость дѣтства моего,
Какъ утѣшенье предъ разлукой,
Какъ ласку нѣжную того,
Кто далъ мнѣ жизнь своею мукой!

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Листопадъ. Осенняя поэма. *М. Горькому*	7
На распутьи. *В. М. Васнецову*	17
Вирь	20
Изъ сказки	23
Ковыль	24
Послѣдняя гроза	28
Ворохъ листьевъ сухихъ	31
Не видно птицъ	33
Въ отъѣзжемъ полѣ. *В. Я. Брюсову*	35
Подъ небомъ мертвенно-свинцовымъ	37
Вьется путь въ снѣгахъ	38
Ночная вьюга. *К. Д. Бальмонту*	40
Звѣзды	42
Въ февралѣ. *А. М. Жемчужникову*	44

Стр.

Весеннее 46
Бушуетъ полая вода. 49
Три ночи. 51
Въ Геѳсиманскомъ саду 53
Христосъ Воскресъ! 55
Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ. . . . 57
Одинъ встрѣчаю я дни радостной недѣли . . 58
Послѣ половодья 59
Въ сторонѣ далекой отъ родного края . . . 60
За рѣкой луга зазеленѣли 62
Въ маѣ. 64
Зной,—но ясно лазурное небо 65
Народился мѣсяцъ молодой 66
Соловьи 67
Снова сонъ, плѣнительный и сладкій. . . . 70
Счастливъ я, когда ты голубыя. 71
На прудѣ. 72
Когда деревья въ свѣтлый майскій день . . 73
Троица 74
Лѣсъ шумитъ 75
Крупный дождь въ лѣсу зеленомъ 76
Не пугай меня грозою 78

Стр.

Вдали еще гремитъ 79
Какъ флеромъ даль полей закрывъ 80
Туча растаяла 81
Звѣзды ночью весенней нѣжнѣе. 82
Какъ свѣтла, какъ нарядна весна! 83
Лиліи. А. Асныка 84
Вечерняя молитва. Мотивъ Сенкевича . . . 86
Отдохни,—еще утро не скоро 90
Въ поѣздѣ 92
Гаснетъ вечеръ, даль синѣетъ 95
Ночь идетъ—и темнѣетъ 97
Въ темнѣющихъ поляхъ 98
Серпъ луны подъ тучкой длинной 99
На Днѣпрѣ. 100
По вечерней зарѣ. 101
Нынче ночью кто-то долго пѣлъ. 102
Мѣсяцъ задумчивый, полночь глубокая. . . 104
Могилы, вѣтряки, дороги и курганы 106
Ночь наступила, день угасъ. 107
Ночь печальна, какъ мечты мои 109
Неуловимый свѣтъ разлился надъ землею. . 110
Тихъ и чутокъ предразсвѣтный часъ. . . . 111

Стр.

На проселкѣ 112
Еще отъ дома на дворѣ 113
Отъ мертвой скучной лжи 115
Родникъ 116
Изъ А. Асныка. 117
Псаломъ жизни. Г. Лонгфелло 118
Учанъ-Су. 120
Кипарисы. 121
Изъ Л. де-Лиля 122
Зной. *А. М. Ѳедорову*. 124
Закатъ 126
Такъ небо низко и уныло. 127
Сумерки 129
Зеленоватый свѣтъ 130
Отчего ты печально, вечернее небо? 131
На мертвый якорь кинули баканъ. 132
Къ прибрежью моря грустная аллея. 133
Дологъ былъ во мракѣ ночи 135
Сѣверное море. 137
Поздній часъ 138
Если бъ только можно было 139
Плеяды. 140

Стр.

За днями сѣрыми и темными ночами. . . . 141
И вотъ опять ужъ по зарямъ. 142
Листья падаютъ въ саду 144
И снилося мнѣ, что осенней порой 146
На хуторѣ 148
Какъ печально, какъ скоро померкла. . . . 149
Астры. А. Асныка 150
Таинственно шумитъ лѣсная тишина. . . . 152
Октябрьскій разсвѣтъ. 153
Открыты жнивья золотыя. 154
Нагая степь пустыней вѣетъ 156
Высоко полный мѣсяцъ стоитъ 158
Вѣтеръ осенній въ лѣсахъ поднимается. . . 159
Въ степи. *Н. Д. Телешову*. 161
Въ пустынной вышинѣ. 165
Помню—долгій, зимній вечеръ 167
Метель. 169
Скачетъ пристяжная, снѣгомъ обдаетъ . . . 171
Въ костелѣ. 172
Мать 176

